

eISSN 2311-2468
Том 10, № 6. 2022
Vol. 10, no. 6. 2022

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ВОЛКОВ С. Ю., КОНДРАТЬЕВ А. С.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ДИКТАТУРЫ

КАК АКТУАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье проведен анализ использования в различных странах информационных технологий, которые в недалекой перспективе способны привести к формированию так называемой «цифровой диктатуры», т.е. системы тотального контроля властей за гражданами. Проблема значительно актуализировалась в результате введения чрезвычайных мер по борьбе с пандемией COVID-19. С точки зрения общественно-политической практики, это содержит в себе угрозы потенциального фрагментирования существующих социальных институтов и деформации идентичности отдельных людей.

Ключевые слова: цифровая диктатура, информационные технологии, COVID-19.

VOLKOV S. YU., KONDRATIEV A. S.

FORMATION OF DIGITAL DICTATORSHIP

AS A CURRENT SOCIO-POLITICAL PROBLEM

Abstract. The article analyzes the use of information technologies in various countries, which in the near future can lead to the formation of the so-called "digital dictatorship", i.e. systems of total control of the authorities over citizens. The problem has become significantly more urgent because of the introduction of emergency measures to combat the COVID-19 pandemic. From the point of view of socio-political practice, this contains the threat of potential fragmentation of existing social institutions and deformation of the identity of individuals.

Keywords: digital dictatorship, information technology, COVID-19.

Сложившуюся в мире в 2020-2022 гг. ситуацию часто описывают выражением «идеальный шторм», имея в виду сочетание множества негативных для всего человечества факторов. Глубокий экономический кризис, усугубляемый пандемией коронавируса, происходит на фоне глобальной политической нестабильности и многочисленных вооруженных конфликтов. Согласно известному принципу, «отчаянные времена требуют отчаянных мер», однако нужно учитывать, что жесткие решения, которые принимаются в настоящее время правительствами различных стран и наднациональными организациями с целью скорейшего преодоления текущих проблем, будут определять облик цивилизации не только на ближайшие годы, но и в долгосрочной перспективе. Несмотря на очевидную необходимость экстренных действий, следует уделять внимание и их неизбежным тревожным последствиям. Существует реальная опасность закрепления временных ограничительных мер в повседневной общественной и политической практике на постоянной основе.

Непроверенные и рискованные средства зачастую используются сейчас без особых раздумий, потому что бездействие в таких ситуациях намного хуже. Одной из ключевых потенциально опасных технологий являются системы цифрового контроля, которые получают все большее распространение во всем мире. Это сопровождается созданием огромных баз персональных данных граждан, а также методов распознавания лиц и других сопутствующих инноваций. Огромный объем информации о частной жизни людей ежедневно поступает в сетевые хранилища. Совокупность перечисленных факторов позволяет констатировать очевидную тенденцию к формированию полноценной «цифровой диктатуры».

Понятия «цифровое государство» и «цифровая демократия» не являются новыми в научном пространстве. Исследование этого феномена началось еще в конце 1990-х гг. с момента возникновения цифровой экономики. Долгое время их изучали нераздельно. Одними из первых, кто дал определение понятию «digital democracy», были Кеннет Л. Хакер и Ян ван Дейк, которые использовали этот термин для описания динамических отношений между государством и технологиями. Цифровая демократия включает «набор попыток практиковать демократию без ограничений во времени, пространстве и других физических условий, используя вместо этого информационно-коммуникационные технологии или компьютерную опосредованность в качестве дополнения, а не замены традиционных «аналоговых» политических практик» [12].

К преимуществам использования подобных инструментов в политическом процессе относят снижение затрат на управление, предоставление информации о гражданской активности и качестве политики. Эффективность использования ресурсов – наиболее распространенное обоснование перехода к цифровым технологиям в регулировании общественных отношений, это позволяет государству своевременно и без больших затрат донести информацию до максимального числа людей [11, с. 361]. Долгое время к феномену «цифрового государства» относились на Западе преимущественно положительно: там подобные системы активно применялись в США, Германии, Великобритании и Франции. Однако все изменилось, когда лидером стал Китай, который начал еще более масштабно использовать практики цифровизации. Его система контроля сетевого пространства «Золотой щит» работает уже почти 20 лет. В КНР запрещено посещать зарубежные сайты, а специальный отдел «Интернет-полиции» контролирует запросы граждан в сети: каждый запрос пользователя проверяется и в случае обнаружения неблагонадежной информации Интернет-соединение сбрасывается. Списки запрещенных ресурсов постоянно пополняются.

После запуска «Золотого Щита» и системы социального кредита в научном сообществе встала необходимость внедрения нового термина, который учитывал бы опыт Китая. В зарубежной литературе стали использовать, в основном, нейтральное «digital government».

В отечественном же научном пространстве стали разграничивать понятия «цифровая диктатура» и «цифровая демократия» как принципиально разные объекты исследования [1].

Существуют различные практики «цифровой диктатуры», но каждая из них неизменно включает в себя следующие компоненты:

- система цифрового контроля;
- единый реестр персональных данных;
- единое сетевое пространство;
- система социального рейтинга/кредита.

Система цифрового контроля включает в себя государственную информационную систему для сбора, обработки и хранения видеозаписей с камер, систему непрерывного видеонаблюдения за перемещениями, электронный анализ и контроль действий и поведения граждан. Также в рамках «цифровой диктатуры» необходим единый реестр персональных данных граждан, чтобы систематизировать основную информацию о каждом из них.

Следующим компонентом «цифровой диктатуры» является единое сетевое пространство, которое подразумевает систему фильтрации контента в соответствующем сегменте Интернета, а также включает в себя такие подсистемы, как управление безопасностью, информирование о правонарушениях, контроль выхода и ввода, информационная система мониторинга, управление трафиком. Она создается с целью ограничения иностранных сайтов, фильтрации веб-страниц по «ключевым словам», а также создания любому заблокированному ресурсу соответствующего аналога, который сделан с учетом местного потребительского менталитета.

Последним, но при этом немаловажным компонентом является система социального кредита (также встречаются названия «система социального рейтинга», «система социального доверия») – система оценки отдельных граждан и/или организаций по различным параметрам, значения которых получаются с помощью инструментов массового наблюдения и использующих технологию анализа больших данных [5].

Самым ярким на сегодняшний день примером формирования элементов «цифровой диктатуры» является Китай, где система социального кредита разрабатывается уже давно. В 2007 году были размещены «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита», в соответствии с которой уже в 2010 году начался первый эксперимент с внедрением данной технологии в провинции Сычуань, уезд Суйнин. Суть его состояла в том, что первоначально каждый гражданин получал 1000 условных кредитных баллов, и за каждое социально положительное или отрицательное действие рейтинг соответственно увеличивался или убавлялся. «Баллы могли вычитаться за нарушение конкретных правовых, административных или моральных норм. Например, наказание за

вождение в нетрезвом виде оценивалось в 50 баллов, рождение второго ребенка – в 35 баллов, а невозврат кредитов – от 30 до 50 баллов. Потерянные очки могли быть восстановлены в течение 2-5 лет, в зависимости от вида проступка и серьезности нарушения. В итоге на основе полученных баллов граждане классифицировались по категориям от А до D» [7, с. 89]. Лицам, имеющим рейтинг D («тотальный аутсайдер»), стали отказывать в работе и социальных услугах. Примерные граждане с рейтингом А получили приоритет при трудоустройстве или при получении кредитов. Суйнин был лишь испытательной площадкой, и вслед за ним появилось более 40 городов (а к 2020 году в Китае действовали уже 352 «умных города» [3]), разрабатывающих собственные локальные системы социального кредита.

Пандемия коронавируса значительно ускорила внедрение подобного рода технологий по всему миру. В попытках справиться со стремительным распространением вируса по меньшей мере 24 страны [15] установили цифровое наблюдение за своими гражданами. Данные технологии включают в себя специализированные приложения COVID-19, данные о местоположении и электронные метки. Например, Центр по контролю и профилактике заболеваний в США отслеживает информацию о путешествиях отдельных лиц, используя данные авиапассажиров [14]. В Гонконге власти требуют ношения браслета и использования приложения для всех вновь прибывающих из-за границы. Технология GPS используется для отслеживания местоположения людей в Южной Корее, чтобы предотвратить нарушения карантина, посылая предупреждения пользователю и властям, если человек покидает назначенные места [13]. В Сингапуре люди должны были сообщать о своем местонахождении с фотографическими доказательствами. Таиланд использует приложение и SIM-карты для всех прибывших из-за границы, чтобы обеспечить соблюдение их карантина. Индия планирует производить браслеты для определения местоположения и контроля температуры граждан. В Европейском союзе одно из первых приложений для контроля над гражданами, обязанными соблюдать карантин, появилось в Польше.

Российская Федерация в этом вопросе не отстает от глобальных трендов. Еще в 2014 году стали обсуждаться меры по отключению Рунета от внешнего мира ради национальной безопасности [9]. Это дало толчок для разработки различных законов по охране персональных данных граждан. В ноябре 2019 года появился закон о «суверенном Интернете». С этого момента у всех операторов связи должны стоять устройства с функциями «противодействия внешним угрозам» и блокировки запрещенного контента из реестра Роскомнадзора, также был создан Центр мониторинга и управления сетями связи. Главные нововведения согласно данному закону: во-первых, Роскомнадзор реализует «централизованное управление» Рунетом, во-вторых, Роскомнадзор полномочен ограничивать доступ к запрещенным в России сайтам, в-третьих, создается национальная

система доменных имен и, в-четвертых, операторы связи должны заносить в регистр и применять исключительно эти точки обмена.

Другим законом, обращенным к операторам связи и Интернет-провайдерам, стал закон (или пакет) Яровой, состоящий из двух законов, которые были приняты в июле 2016 года. Они, в частности, обязуют операторов связи хранить звонки и сообщения абонентов за период, определяемый Правительством Российской Федерации (но не больше, чем за 6 месяцев), а информацию о фактах приема, передачи, доставки и обработки сообщений и звонков – 3 года [8]. Затем был подписан закон о создании единого федерального информационного регистра сведений о населении [2]. Идентификаторы: документ, удостоверяющий личность, регистрационный учет, воинский учет – всего более 25 параметров о каждом гражданине. Доступ к информационному регистру имеют органы государственной власти, органы местного самоуправления, внебюджетные фонды, многофункциональные центры, избирательные комиссии, нотариусы, физическое лицо, его законный представитель.

Таким образом, в Российской Федерации уже появился «суверенный Интернет» и единый регистр персональных данных, на базе которых можно создать систему социального рейтинга. Для борьбы с пандемией повсеместно в регионах были запущены приложения для граждан, которые должны соблюдать самоизоляцию. Были созданы платформы для выдачи цифровых пропусков для контроля режима самоизоляции. В Москве это приложение «Социальный мониторинг», в Республике Татарстан была введена система SMS-пропусков. Жителям Нижнего Новгорода необходимо было подтверждать выход на улицу через сервис «Карта жителя Нижегородской области» [10]. Эти сервисы имеют мобильные приложения, которые, при их установке, получают доступ к фото- и видеосъемке, к точному местоположению, к разрешению на совершение звонков, к данным о статусе телефона, к просмотру, изменению или удалению данных на накопителе, к запуску активных сервисов, к запуску приложения при включении смартфона, неограниченный доступ к сети и к получению данных, обеспечивают просмотр сетевых подключений и многое другое [4].

Безусловно, электронные системы государственного контроля за населением позволяют добиться высоких результатов при решении самых разнообразных общественно важных задач: от борьбы с распространением эпидемий и оперативного оповещения населения в чрезвычайных ситуациях до выявления разыскиваемых преступников, предотвращения террористических угроз, поиска пропавших или заблудившихся людей и т.п. Однако возможное дальнейшее продвижение по пути КНР влечет за собой также и специфичные проблемы.

Во-первых, это проблема надежного хранения и использование персональных данных граждан. Уже сейчас остро стоит этот вопрос с системой «Безопасный город» в Москве. Дело в том, что все записи с обычных камер, а также с камер, оборудованных системой

распознавания лиц, интегрированной с базами МВД, отправляются на хранение в «Единый центр обработки и хранения данных». Вход осуществляется по логину и паролю, никаких других способов защиты от взлома у этой системы нет. На форумах и чатах уже продают доступ к любой городской камере, архивы и прямые эфиры, также можно найти предложения о покупке неограниченного доступа к камерам [6].

Во-вторых, обостряется вопрос о роли и месте человека в новом цифровом мире. Представители классического гуманизма ставили человека в центр мира, считали жизнь человека наивысшей ценностью. Для них было характерно внимание к проблемам личностного развития и становления человека, к его взаимоотношениям в общественно-политической среде. В современном мире человек все чаще становится лишь единицей информации для государства и коммерческих компаний, он перестает быть уникальной, индивидуальной личностью и превращается в безликий пункт из реестра данных. Появление «цифровой диктатуры» также влияет и на социальные отношения, на отношения в семьях, а также на саму личность человека. Такие феномены как, например, система социального рейтинга заставляют людей соперничать друг с другом в погоне за наивысшей оценкой и последующими привилегиями. Доносы здесь хороший способ поднять свой рейтинг и понизить рейтинг «соперника».

Пандемия COVID-19 привела к чрезвычайному расширению полномочий властей по контролю за гражданами. Возможно, методы цифрового мониторинга в дальнейшем, после их анализа, будут признаны эффективными в борьбе с вирусом, но останутся ли они в повседневной общественно-политической практике – вопрос открытый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведута Е. Н., Потеряйко А. Ю. Цифровая диктатура или цифровая демократия? // Актуальные вопросы экономики, управления и права: Сборник научных трудов (ежегодник). – 2020. – № 4. – С. 4–34.
2. Громова А., Калюков Е. Путин подписал закон о создании единого регистра сведений о населении // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ede351c9a794710ce94854d> (дата обращения 08.04.2022).
3. Данилин П. Н., Хилько И. Ю. История развития и перспективы внедрения системы социального кредита (рейтинга) в Китайской народной республике и Российской Федерации // Евразийский юридический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurasianlaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-statii/istoriya-razvitiya-i-perspektivy-vnedreniya-sistemy-sotsialnogo-kredita-rejtinga-v-kitajskoj-narodnoj-respublike-i-rossijskoj-federatsii> (дата обращения 29.03.2022).

4. Информационные технологии Городская система видеонаблюдения // Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://video.dit.mos.ru> (дата обращения 15.04.2022).
5. Кириллов А. Как работает система социального доверия в Китае // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/5225841> (дата обращения 22.03.2022).
6. Королёв Н. Говорит и показывает контракт // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4465890> (дата обращения 10.04.2022).
7. Разумов Е. А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Национальная безопасность. – 2020. – № 3. – С. 86–96.
8. Сенаторы одобрили антитеррористический пакет Яровой // Право.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/130772> (Дата обращения: 10.04.2022).
9. Совет безопасности обсудит отключение России от глобального интернета // Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/19/suverennyj-internet> (дата обращения 10.04.2022).
10. Цифровые пропуска – какие решения предлагаются в регионах // Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nangs.org/news/it/tsifrovye-propuska-kakie-resheniya-predlagayutsya-v-regionah> (дата обращения 12.04.2022).
11. Coleman S., Blumler J. G. The Wisdom of Which Crowd? // The Political Quarterly. – 2007. – No 82 (3). – P. 355–364.
12. Hacker K. L., Janvan D. What Is Digital Democracy? // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. – CA: SAGE Publications, 2000. – P. 1–9.
13. Phones Could Track the Spread of Covid-19. Is It a Good Idea? [Электронный ресурс] // Wired. – Режим доступа: <https://www.wired.com/story/phones-track-spread-covid19-good-idea> (дата обращения 01.04.2022).
14. Sloane M., Cahn A. F. Today's COVID-19 // The Daily Beast [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thedailybeast.com/todays-covid-19-data-will-be-tomorrows-tools-of-oppression> (дата обращения 01.04.2022).
15. Tracking the Global Response to COVID-19 // Privacy International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://privacyinternational.org/examples/tracking-global-response-covid-19> (дата обращения 01.03.2022).

ЛЯТОВЕЦ А. Ю., МОЗГУНОВА Е. А.

**РОЛЬ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ
КАМПАНИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА НА ВЫБОРАХ
ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ 2016 ГОДА**

Аннотация. Статья посвящена исследованию информационных технологий, которые представляют собой наступившее будущее политической коммуникации. В работе показано, как «big data» позволяет отслеживать пользовательское поведение, и, в соответствии с полученными данными, корректировать стратегию избирательной кампании. В свою очередь, «цифровые следы» пользователей помогают политтехнологам составить наиболее точный образ избирателя.

Ключевые слова: информационные технологии, выборы США, Дональд Трамп, big data, избирательная кампания.

LYATOVETS A. YU., MOZGUNOVA E. A.

**THE ROLE OF NEW INFORMATION TECHNOLOGIES
IN THE ELECTION CAMPAIGN OF DONALD TRUMP
IN THE 2016 UNITED STATES PRESIDENTIAL ELECTION**

Abstract. The article is devoted to the study of information technologies, which represent the future of political communication. The study shows how big data allows you to track user behavior and, in accordance with the data obtained, adjust the strategy of the election campaign, and the digital footprints of users help political technologists create the most accurate image of the voter.

Keywords: information technology, US elections, Donald Trump, big data, election campaign.

Информационные технологии как новый инструмент политической коммуникации служат для выстраивания новой модели взаимодействия между электоратом и политическим лидером или партией. СМИ и социальные медиа в совокупности формируют отношение общества к решениям органов власти, мобилизуют граждан на те или иные действия. Это необходимо учитывать в процессе работы социальных медиа и понимать, как под влиянием различных факторов формируются взгляды и предпочтения гражданского общества. В Интернет-среду вовлечен практически весь мир, а это открывает возможности политическим лидерам для широкой коммуникации со своим электоратом.

По данным отчета «Global Digital 2022», представленного «We Are Social» и «Hootsuite», в начале 2022 года число пользователей Интернета составило 4,95 миллиарда. Цифры показывают, что за последний год аудитория Всемирной паутина выросла на 192

миллиона (+ 4%). По данным на январь 2022 года, количество пользователей социальных сетей составило 4,62 миллиарда человек. Это равнялось 58,4% от общей численности населения земного шара. За последние 12 месяцев количество пользователей социальных сетей по всему миру выросло более чем на 10%, и в 2021 году 424 миллиона новой аудитории подключилось к глобальной сети. Анализ Kerios [12] показывает, что за 10 лет число потребителей Интернета увеличилось более чем вдвое с 2,18 миллиарда в начале 2012 года до 4,95 миллиарда в начале 2022 года [10].

Все кандидаты на выборах Президента США в 2016 году использовали социальные медиа для достижения своих политических целей. Наиболее удачным примером служит кампания Дональда Трампа. Применение социальных медиа (Twitter, Facebook) как платформы для взаимодействия с избирателями дало значительный эффект. Также на выборах президента США свою роль сыграло использование технологии «big data» – возможность настраивать поисковую систему под определенные группы пользователей. Таргет позволяет направить политическую агитацию таким образом, что при поисковом запросе с фамилией определенного кандидата потенциально заинтересованной аудитории выдаются материалы, которые выделяют сильные стороны претендента на пост президента. Это обеспечивает лояльность электората [3]. В 2019 году журналисты «The Wall Street Journal» пришли к выводу: Google манипулирует поисковой выдачей с помощью специальных алгоритмов. Например, когда пользователь вводит в строке «Дональд Трамп», система подсказывает людям разные варианты окончания фразы [11]. Это грамотно применяли политтехнологи, что обеспечило республиканской партии победу на выборах.

Политические акторы стараются использовать новейшие тренды для эффективной конкуренции в изменившихся реалиях. Увеличение количества новых каналов коммуникации предоставляет широкий выбор представителям власти для передачи своего сообщения электорату, а грамотное использование дает кандидатам больше шансов для достижения политических целей.

Теперь процесс коммуникации не зависит от графика выхода в эфир определенной программы или публикации в печатных СМИ. Получить нужные сведения или поделиться определенной информацией сейчас стало возможным в режиме реального времени с помощью онлайн-трансляции. Интерактивность новых медиа позволяет быстро получать обратную связь, благодаря чему происходит постоянное межличностное взаимодействие [2].

Масштабы и темпы распространения Интернета во многом влияют на развитие социальных медиа. Дата создания – Всемирной паутины 29 октября 1969 г. Именно в эту дату в США было произведено первое соединение между двумя узлами ARPANET, расположенными в 640 километрах друг от друга [6]. Интернет развивался стремительно:

прирост пользователей начался с 1993 года, когда появился браузер NCSA Mosaic. Всемирная сеть за 5 лет достигла пятидесятимиллионной пользователей. Телевидение и радио достигло такой же аудитории за гораздо большее количество времени: кабельное телевидение за 10 лет, цифровое – 13 лет, а радио – 38 лет. Первоначально интернет – место для узкого круга, сейчас же это фактически Вселенная для миллионов людей: он формирует новые реалии коммуникации, становится быстро развивающимся феноменом современности. Одним из примеров могут быть социальные медиа, которые представляют собой интерактивные технологии, облегчающие создание и обмен информацией, идеями, интересами и другими формами выражения через виртуальные сообщества и сети. Такие площадки развивались постепенно, по мере становления интернет-пространства.

Социальные медиа могут выступать в качестве инструмента пиара и политического влияния. Одним из примеров является Twitter как эффективная площадка коммуникации для американской политической элиты: эту социальную сеть использовали Б. Обама и Д. Трамп. Это новая платформа для коммуникации со своими избирателями, использованная для формирования определенного политического поведения своей аудитории. Практически все высшие правительственные организации США и руководители имеют страницы в Twitter (Белый дом, Совет национальной безопасности США, Министерство обороны, Госдепартамент). В этих аккаунтах публикуются официальные новости, отражающие позицию по тому или иному вопросу. Твиты Д. Трампа с 2017 года считаются его официальными заявлениями. Примером действенности Twitter-политики служит факт того, что один пост президента привел к изменению нефтяных котировок [13]. «Цены на нефть становятся слишком высокими. ОПЕК, пожалуйста, расслабьтесь и успокойтесь. Мир не может вынести такое повышение цен, он хрупок!»: этот твит Трампа в феврале 2019 года привел к изменению цены. После этого поста стоимость барреля сорта Brent упала более чем на 3 % и опустилась ниже 65 долларов, хотя до этого успела подняться выше 67 долларов впервые с ноября 2017 года. Нефть марки WTI также ушла вниз: с 57,26 до 55,48 долларов [9]. Трамп использовал Twitter как во время предвыборной гонки, так и после избрания президентом.

Аудитория в Интернете и социальных медиа постоянно растет, а значит, это пространство становится потенциальной площадкой для продвижения своих интересов крупнейшими политическими силами и компаниями. Эксперты в области политических медиакампаний выявили две основные тенденции: выигрывает не тот, кто создает лучший контент для социума, а тот, кто сможет объединить аудиторию общей идеей, тем самым создав сеть заинтересованных пользователей. Дональд Трамп во время своей предвыборной

кампании потратил лишь половину от рекламного бюджета Хиллари Клинтон, и, несмотря на это, одержал победу [15].

Однако медиасистема постоянно видоизменяется, поэтому нужно следить за алгоритмами продвижения. Она подстраивается под пользовательские паттерны потребления информации. YouTube часто обвиняют в том, что алгоритмы подбора контента ведут к поляризации и радикализации мнений: предположим, если начать с просмотра протрамповских видео, то через несколько итераций сервис автоматически будет показывать контент с теориями заговора [4].

Зная специфику этого механизма коммуникации, политические субъекты используют их для достижения своих целей. Посредством социальных медиа политический лидер и электорат могут ближе взаимодействовать и получать обратную связь друг от друга. Это легкодоступный инструмент коммуникации, а также формирования и продвижения имиджа в общественном сознании. Благодаря социальным медиа можно с легкостью отследить реакцию избирателей на информацию, запущенную в сеть. Это позволяет оперативно реагировать на мнения пользователей и при необходимости корректировать стратегию взаимодействия с электоратом.

Одна из основных статей расхода современных избирательных кампаний – это Интернет-реклама: она недорогая и доказала свою эффективность на примере американских выборов. Микротаргет позволяет адресно обращаться к избирателю, что, безусловно, повышает вовлеченность и дает лучший результат.

Однако сообщение, которое предвыборный штаб доносит до своего избирателя, не всегда имеет правдивый характер. Во время американской избирательной кампании 2016 года Facebook был обвинен в распространении недостоверных новостей. Они касались как представителя демократической партии, так и республиканской. В новостях была неверно указана дата выборов [7].

Реклама – самая весомая статья расходов в предвыборной кампании 2016 года. Х. Клинтон сделала акцент на телевизионной рекламе, а Д. Трамп – на рекламе в Интернете. Траты у республиканца оказались в 3,5 раза меньше, чем у представительницы демократической партии, а эффект во много раз больше [5]. Команда Д. Трампа разработала стратегию интернет-рекламы по двум направлениям: взаимодействие с лояльными избирателями и с аудиторией, симпатизирующей Х. Клинтон. Выступления республиканца с критикой соперника подкреплялись фактами, размещенными в Twitter (в нем у Трампа многомиллионная аудитория). Использование своего аккаунта в этой социальной сети как площадки для взаимодействия с избирателями предоставило возможность избежать прямых неудобных вопросов журналистов на пресс-конференциях [1, с. 188].

Во многом Трамп изменил взаимодействие с общественностью, вывел коммуникацию на новый уровень. Стиль общения с публикой стал более личным, оперативным во многом благодаря социальным медиа. Критика американских СМИ сыграла на руку Трампу, еще больше увеличив его аудитория. На момент избирательной гонки у кандидата в президенты от Республиканской партии была самая многочисленная по числу подписчиков страница: почти в два раза меньше было подписчиков у Берни Сандерса (кандидат от Демократической партии), а у Хиллари Клинтон еще меньше.

По данным нью-йоркских исследователей, Дональд Трамп и организации по продвижению его избирательной кампании – крупнейшие покупатели политической рекламы на Facebook. Исследователи провели анализ с 9 сентября 2014 года по 4 июля 2018 года и выяснили, что «Trump Make America Great Again committee» потратил на этот период почти 200 тысяч долларов больше любого другого политического рекламодателя. Еще одна организация, выступавшая в поддержку Дональда Трампа «Donald J. Trump For President», вошла в топ-10 политических рекламодателей, потратив на рекламу социальных сетях около 84 тысячи долларов. По данным аналитиков, пользователям Facebook 38 млн. показали объявления этих двух организаций [8].

Дональд Трамп подчеркивал, что Twitter сыграл важную роль в его триумфе на выборах в 2016 году. Многие эксперты удивлялись феномену постоянного присутствия президента в этой социальной сети. В марте 2017 года республиканец сказал в интервью FOX News, что причина его активности в Twitter связана с «лживыми СМИ». «Я думаю, что мог бы не быть здесь сейчас, если бы не было Twitter, потому что про меня столько пишет лживая, нечестная пресса», – сказал Трамп. Он отметил, что считает свою страницу в соцсети «собственной формой медиа». Трамп также заявил, что его аккаунты в Twitter, Facebook и Instagram читают 100 млн человек [14]. Микроблог для республиканца так и остался способом прямой коммуникации с миром, где на момент своего президентства американский лидер сообщал о своей политической воле.

Использование новых платформ коммуникаций, технологий «Больших данных» (Big data) изменили процесс политического взаимодействия. В некоторой степени они сделали его более прозрачным, доступным и понятным для избирателей, использующих социальные сети. Однако технология «Больших данных» остается спорным моментом в политическом взаимодействии, т.к. сбор и хранение данных у третьих лиц, которые используют в корыстных целях, вызывает опасение о конфиденциальности персональных данных.

Крупнейшие социальные сети – это наиболее удобная площадка для формирования лояльного контингента для кандидата. Избирательные кампании тратят на продвижение в Интернете все больше средств по причине его высокой эффективности. Таргетированную

рекламу можно настраивать персонализировано, определяя, что увидит в своей ленте избиратель, о котором система знает почти все и может составить определенный портрет.

Информационные технологии сейчас – это инструмент влияния, используемый для идеологической борьбы, лоббирования интересов крупными корпорациями. Казалось бы, киберпространство сохраняет анонимность человека, позволяет ему быть более свободным в суждениях, однако сейчас это стало иллюзией. Современные информационные технологии, опираясь на «цифровой след» пользователя, могут определить его политическую позицию. Исследователи доказали, что анализа 68 лайков в Facebook достаточно, чтобы определить цвет кожи (с точностью до 95%), приверженность Демократической или Республиканской партии США (до 85%). По сути, американские выборы становятся борьбой технологий: кто взламывает киберпространство, тот и выигрывает гонку за президентское кресло, и в результате многие демократические механизмы становятся иллюзорными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авзалова Э. И. Интернет-коммуникации в избирательной кампании США // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – С.186–196.
2. Астафьева Л. В., Волков С. Ю. Роль новых медиа в избирательных кампаниях кандидатов в Президенты РФ 2018 года: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2020. – № 7. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/rol-novykh-media-v-izbiratelnykh-kampaniyax-kandidatov-v-prezidenty-rf-2018-goda-sravnitelnyj-analiz> (дата обращения 01.04.2022).
3. Большие данные и большая политика: как технологии влияют на выборы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ef4c3299a7947db501485f8> (дата обращения: 30.03. 2022).
4. Как Трамп и фейки изменили медиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/united-states/kak-tramp-i-feyki-izmenili-media> (дата обращения 03.04.2022)
5. Лайк за президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3138242> (дата обращения 03.04.2022).
6. Прокопенко Т. В. Роль социальных сетей в Российской системе политической коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/2020/02/prokopenko-diss.pdf> (дата обращения 02.04. 2022).

7. Расследование Би-би-си: Как Facebook помог Трампу и "брекситу" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-39842536> (дата обращения 03.04.2022).
8. Трамп оказался крупнейшим политическим рекламодателем Facebook. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/07/18/775875-trump-facebook> (дата обращения 02.04.2022).
9. Что происходит с рынком, когда Трамп пишет в Твиттере: 7 ярких примеров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d429da29a79476a1b54765b> (дата обращения 02.04.2022).
10. Digital 2022 another year of bumper growth [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (дата обращения 31.03.2022).
11. How Google Interferes With Its Search Algorithms and Changes Your Results [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/how-google-interferes-with-its-search-algorithms-and-changes-your-results-11573823753> (дата обращения 01.04.2022).
12. KEPIOS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kepios.com/about> (дата обращения 31.03.2022).
13. RealDonaldTrump [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1100002139282309121> (дата обращения 02.04.2022).
14. Trump: "I Wouldn't Be Here If It Wasn't For Twitter," "I Have My Own Form Of Media" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.realclearpolitics.com/video/2017/03/15/trump_i_wouldnt_be_here_if_it_wasnt_for_twitter_i_have_my_own_form_of_media.html (дата обращения 02.04.2022).
15. Trump spent about half of what Clinton did on his way to the presidency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2016/11/09/trump-spent-about-half-of-what-clinton-did-on-his-way-to-the-presidency.html> (дата обращения 02.04.2022).

ВЕРТЯГИН М. А.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АМЕРИКАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы американской модели федерализма в условиях пандемии коронавируса. Анализируются взгляды отечественных и зарубежных авторов на перспективы развития федерализма в США. Автор приходит к выводу о том, что современный этап федеративных отношений в США характеризуется децентрализованностью, но имеет тенденцию к централизации.

Ключевые слова: федерализм, Соединенные Штаты Америки, разграничение предметов ведения, форма государственного устройства, внутренняя политика, внешняя политика.

VERTYAGIN M. A.

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF AMERICAN FEDERALISM
IN PANDEMIC CONDITIONS**

Abstract. The article deals with the current problems of the American model of federalism in the context of the coronavirus pandemic. The views of domestic and foreign authors on the prospects for the development of federalism in the United States are analyzed. The author comes to the conclusion that the current stage of federal relations in the United States is characterized by decentralization, but tends to centralization.

Keywords: federalism, United States of America, delimitation of jurisdictions, form of government, domestic policy, foreign policy.

Проблема федерализма – одна из самых сложных проблем современной политической науки и практики. Она затрагивает вопросы государственного строя стран со сложным устройством, которые включают в качестве составных частей различные административно-территориальные образования, имеющие некоторые общие интересы, ради защиты которых и создаются союзы-федерации. Интересно сравнительное исследование опыта зарубежных федеративных государств по решению задач, связанных с современными вызовами и угрозами. США представляет собой пример устойчивой федерации, не лишенной собственных проблем при распределении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субнациональными субъектами. В период пандемии федеративное государство столкнулось с трудностями межправительственного взаимодействия, изучение опыта которого может быть использовано при анализе современных федеративных систем.

Исторический контекст разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным уровнем власти и штатами анализируется в исследовании А. Д. Мерзляковой [7]. Автор приходит к выводу, что на протяжении нескольких столетий соотношение полномочий между федеральным центром и штатами неоднократно менялось, с учетом возникающих проблем и недостатков конституционно-правового регулирования, но всегда оставалось средством обеспечения стабильности [7, с. 70]. Финансово-экономические аспекты американского федерализма с момента создания государства по настоящее время выявлены в работах А. Д. Гулякова [1]. А. П. Живец и С. Г. Верещагин рассматривают особенности становления американского федерализма под углом борьбы интересов собственников. По мнению авторов, существующее разграничение полномочий федерального правительства и штатов является итогом длительной борьбы за частные интересы крупных частных собственников и землевладельцев, которые добивались для своих штатов особых преференций [2, с. 119]. Проблемам эволюции американской модели федерализма в историческом контексте также посвящены исследования Ш. Х. Махмудова и Р. М. Лакаева [6].

Особый интерес представляет публикация П. Свирко, посвященная проблеме влияния федерализма как формы государственного устройства на борьбу с пандемией COVID-19 в США. Рассматривая отношения федерального правительства и штатов, автор выявил ряд как положительных (расширение сотрудничества при координации государственной политики), так и негативных последствий (рост разногласий и напряженности, длительность принятия политических решений, недостаток финансирования из федерального бюджета) [9, с. 258].

По оценкам отечественных и зарубежных авторов, проблема федерализма в Соединенных Штатах Америки актуализировалась в период пандемии, который и по настоящее время оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие государств во всём мире. С. Сердюков в своей статье «Одинокие штаты. Почему США больше всех страдают от эпидемии?» пришел к выводу, что многочисленные разногласия между Белым домом, министерством здравоохранения и штатами не позволили своевременно обеспечить финансовую поддержку последним. Каждый штат был вынужден самостоятельно обосновать необходимость предоставления дополнительных бюджетных средств, а федеральное правительство оказалось не в состоянии полноценно распределить материальную помощь между субъектами федерации [10].

Профессор Н. Дж. Кнауэр в своём исследовании указывает на влияние субъективных факторов: бездействие федерального центра и его враждебную настроенность по вопросам дополнительного финансирования штатов, политизация пандемии под влиянием президента США Д. Трампа. Таким образом, противостояние федерального правительства и штатов

снизило уровень взаимного доверия и обострило и без того сложные федеративные отношения в государстве [13].

Согласно десятой поправке Конституции США, «полномочия, не делегированные Соединенным Штатам Конституцией и не запрещенные ею штатам, сохраняются соответственно за штатами или за народом» [4]. Однако на практике полномочия штатов находятся в сильной зависимости от государственной политики федерального правительства, которое зачастую игнорирует региональные различия и потребности местного сообщества. Сосредоточение власти у федерального правительства привело к чрезмерному регулированию и избыточной бюрократии, препятствующей экономическому росту и развитию свободного рынка. Растущий государственный долг не только угрожает безопасности США, но и снижает эффективность управления штатами. Решение проблемы восстановления баланса между федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами власти состоит в том, чтобы вернуть им контроль над вопросами, которые конституционно относятся к ведению штатов и муниципалитетов. С начала пандемии имелось несколько прецедентов, позволяющих говорить о несовершенстве федерализма в США и необходимости его дальнейшего реформирования.

Например, в январе 2022 года Верховный суд США заблокировал мандат президента Байдена на вакцинацию для крупных работодателей, посчитав, что федеральное правительство превысило свои полномочия [8]. По решению Верховного суда власть федерального правительства имеет пределы, и беспрецедентная пандемия не является оправданием для их игнорирования. Крупные работодатели по-прежнему могут устанавливать свои собственные требования к вакцинам, но правительство не может навязывать их. Несмотря на то, что многие штаты, в которых территориально располагаются крупные предприятия, были готовы уступить федеральному правительству с целью продемонстрировать свою лояльность, данный прецедент показывает, что Верховный суд остается верным Конституции и не допускает дисбаланса в разделении власти между федеральным центром и штатами. По мнению Б. Робертс, в случае, если бы Верховный суд встал на сторону Президента, это привело бы к усилению централизации и свидетельствовало об отступлении от ценностей американского федерализма [8].

Следует отметить, что законодательные собрания штатов имеют возможность защищать конституционность законов штата в суде. Интересы большинства штатов в суде по вопросам законности нормативно-правовых актов осуществляют генеральные прокуроры. В то же время, некоторые штаты, такие как Северная Каролина, передают эти полномочия законодательному собранию. В деле «Бергер против штата Северная Каролина» суд окружного округа, ссылаясь на собственный анализ федеральных правил, решил, что

отсутствует необходимость вмешательства законодательного собрания в ход дела и что генеральный прокурор должен представлять свой штат [12]. Принятое решение вызвало недовольство со стороны штата Северная Каролина. По оценке доктора юридических наук Дж. Хауэншильда, законодательные органы должны иметь возможность определять, кто должен представлять штат в том случае, если законы оспариваются. И хотя федеральные суды могут устанавливать процессуальные правила, в ходе анализа они не должны использовать правила в ущерб законам штата. Вместо этого следует использовать закон штата, чтобы помочь интерпретировать и дополнить федеральные процессуальные правила [12].

Отечественные исследователи, в частности Д. Д. Солодовченко и Ю. А. Подвигина, в своей работе отмечают тенденцию к унификации законодательства США в рамках правовых систем штатов [11, с. 25]. Кроме того, «нормы многих законов субъектов федерации являются достаточно размытыми, что и позволяет их интерпретировать в зависимости от ситуации и спорного вопроса» [11, с. 26]. По оценке авторов, федерализм в США не является монолитным и подвержен изменениям, что зачастую выражается в детализации федерального законодательства.

Одной из актуальных проблем является востребованность налоговой реформы, о необходимости которой говорят представители субъектов федеративного государства. На данный момент бюджет штатов планируется на ближайший год, а его корректировки в процессе исполнения являются проблематичными. В условиях рецессии экономики и неопределенности возникновения новых рисков правительства штатов выступают за предоставление им возможности своевременно вносить бюджетные корректировки в годовой бюджет. По мнению правительств штатов, изменение принципов балансировки бюджетов субъектов федерации в течение года позволит стабилизировать государственную политику во время подъемов и спадов экономики, отложить часть избыточных средств на «черный день» и вовремя пополнять бюджет штата в случае внезапных изменений во время рецессий [3].

Однако сторонники централизации используют экономическую нестабильность в целях расширения федеральной власти над штатами. По их утверждению, только федеральное правительство может стабилизировать экономику. Более того, по мнению правительства, внесение штатами корректировок в годовой бюджет может вызвать неопределенность и отток инвестиций из различных сфер экономики, что приведет к росту темпов безработицы, особенно в депрессивных регионах. В то же время предлагаемые федеральным правительством расширенные программы расходов часто включают в себя положения, которые выходят за рамки надлежащих функций правительства и ущемляют полномочия штатов [3].

Следует согласиться с А. Д. Гуляковым в том, что современная модель федерализма в США характеризуется формальным уважением к правам субъектов в совокупности с мощным центростремительным вектором. Федеральная власть во многом сильнее штатов, но при этом уступает большой объем полномочий региональному уровню государственной власти, оставляя себе пространство для политического маневра. В долгосрочной перспективе используемая тактика продемонстрировала свою эффективность, но одновременно может порождать определенные риски функционирования системы [1, с. 24].

По мнению Д. Маккормика и Дж. Козна, нестабильная экономическая и политическая обстановка в условиях пандемии не должна сказываться на перераспределении полномочий между штатами и федеральным правительством в пользу последнего. Напротив, это уникальная возможность для штатов продемонстрировать свои сильные черты и помочь государству в непростые времена [5]. Во время пандемии субнациональные субъекты стали чаще обращаться к зарубежным странам по таким вопросам, как торговля, инвестиции, общественное здравоохранение и окружающая среда. Ещё в 2017 году, после того как Д. Трамп принял решение о выходе США из Парижских соглашений по климату, губернатор Калифорнии Дж. Браун помог создать Климатический альянс США – коалицию из 25 штатов, которые обязались выполнять первоначальные обязательства Америки по соглашениям. В 2020 году губернатор штата Мэриленд Л. Хоган вел переговоры с Южной Кореей о приобретении тестов на COVID-19, а Южная Каролина начала позиционировать себя как привлекательное направление для международных автопроизводителей в условиях экономического кризиса [5].

По оценкам исследователей, развитие глобализации вызывает у федерального правительства необходимость в привлечении субнациональных акторов к взаимодействию с иностранными державами, особенно учитывая тот факт, что экономика некоторых штатов сопоставима по своему объему с экономикой отдельных развитых государств. Сегодня наблюдается тенденция, когда субъекты федерации самостоятельно отстаивают собственные экономические интересы за рубежом и имеют возможность привлекать инвестиции со всего мира, открывая собственные офисы в зарубежных странах с представителями, которые во многом аналогичны послам США.

Д. Маккормик и Дж. Козн предлагают своё видение дальнейшего развития федерализма в США. Авторы считают, что децентрализованный федерализм может стать ценным активом в борьбе США за влияние на международной арене. Грамотная внешнеполитическая деятельность субнациональных акторов способствует созданию новых партнерских отношений в Индо-Тихоокеанском регионе и позволит США создать рабочие коалиции, для противостояния Китаю в регионе. Кроме того, федерализм как

внешнеполитический актив может быть использован в вакцинной дипломатии – актуальном направлении внешней политики государства. Губернаторы и местные чиновники могут делиться своим опытом о распространении вакцин и обеспечивать коммуникацию в области общественного здравоохранения с другими странами [5].

Вместе с тем, растущая самостоятельность штатов несет в себе как внешние, так и внутренние риски. Возникает необходимость в более тщательной подготовке чиновников, устранении разногласий между федеральным правительством и правительством штатов, разработке новых механизмов взаимодействия субнациональных акторов с зарубежными странами.

Таким образом, рассмотрев работы отечественных и зарубежных авторов о проблемах и перспективах развития американского федерализма, следует сделать ряд выводов. Во-первых, на начальном этапе распространения коронавирусной инфекции федеральное правительство не смогло обеспечить полноценную поддержку субнациональным субъектам, что привело к негативным последствиям. Во-вторых, современный этап федеративных отношений в США характеризуется децентрализованностью, но имеет тенденцию к централизации. Под предлогом антиковидных мер федеральное правительство стремится ужесточить контроль над штатами, что незамедлительно приводит к ответной негативной реакции. В-третьих, дальнейшие перспективы развития федерализма в США связаны с поддержанием отношений, построенных на взаимном сотрудничестве и уважении, а также созданием новых механизмов взаимодействия между двумя уровнями власти.

В заключение отметим, что опыт развития федеративных отношений в США в условиях пандемии коронавируса актуализировал многие проблемы в разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субнациональными субъектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуляков А. Д. Финансово-экономические аспекты американского федерализма (историко-государствоведческий очерк) // Государство. Право. Экономика: сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 19–25.
2. Живец А. П. Федерализм и собственность (на примере американского федерализма) // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13. – № 3. – С. 117–131.
3. Заявление о принципах балансировки бюджетов в течение бизнес-цикла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alec.org/model-policy/statement-of-principles-on-balancing-budgets-over-the-business-cycle> (дата обращения 17.02.2022).

4. Конституция Соединённых Штатов Америки. Принята 17 сентября 1787 года (полный текст с 26 поправками) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=168> (дата обращения 17.02.2022).
5. Маккормик Д. Федерализм и американская власть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nationalaffairs.com/publications/detail/federalism-and-american-power> (дата обращения 17.02.2022).
6. Махмудов Ш. Х. Эволюция американского федерализма в конце XVIII – середине XIX вв. // Шаг в историческую науку: материалы XIX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – М., 2019. – С. 62–64.
7. Мерзлякова А. Д. Американский федерализм: разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и штатами в решениях Верховного суда США // Право и общество. – 2021. – № 2. – С. 68–71.
8. Робертс Б. Победа за свободу: SCOTUS блокирует требования работодателей о вакцинации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alec.org/article/a-victory-for-liberty-scotus-blocks-employer-vaccine-requirement/> (дата обращения 17.02.2022).
9. Свирко П. Федерализм как фактор препятствия в борьбе с пандемией: анализ случая США // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 255–263.
10. Сердюков С. Одинокие штаты. Почему США больше всех страдают от эпидемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81476> (дата обращения 17.02.2022).
11. Солодовченко Д. Д. Некоторые аспекты реализации принципа судебного федерализма в зарубежных странах (на примере Соединенных Штатов Америки) // Научно-практический юридический журнал Общество. Закон. Правосудие. – 2020. – № 4 (49). – С. 24–28.
12. Хауэншилд Дж. Суды не должны использовать федеральные процессуальные правила для ослабления законов штата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alec.org/article/courts-should-not-use-federal-procedural-rules-to-diminish-state-laws> (дата обращения 17.02.2022).
13. Knauer N. J. The COVID-19 Pandemic and Federalism: Who Decides? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3599239> (дата обращения 17.02.2022).

МАНЦУРОВА Д. А.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ:

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается становление британского консерватизма. Особое внимание уделено идеям Э. Бёрка как основоположника данного направления. В результате исследования всесторонне изучена история возникновения и развития консерватизма, а также его влияние на историю и культуру Великобритании.

Ключевые слова: Англия, консерватизм, Э. Бёрк, виги, тори, консерваторы-романтики, питтиты.

MANTSUROVA D. A.

CONSERVATIVE IDEOLOGY IN GREAT BRITAIN:

STAGES OF FORMATION

Abstract. The article deals with the formation of British conservatism. Particular attention is paid to the ideas of E. Burke as the founder of this direction. As a result, the history of the emergence and development of conservatism was comprehensively studied as well as its influence on the history and culture of Great Britain.

Keywords: England, conservatism, E. Burke, Whigs, Tories, romantic conservatives, Pittites.

Британский консерватизм примечателен своей теорией, использующей только проверенные временем методы и действия и являющейся неотъемлемой и крупной частью английской политики. Он тщательно бережет традиционные ценности и использует власть как регулятор отношений между гражданами. Объектом данного исследования является консервативная политическая доктрина. В процессе работы использовались системный, исторический, сравнительно-исторический методы исследования, методы анализа и синтеза.

Активная проработка темы британского консерватизма в отечественной литературе начинается в конце XX века. Большая часть трудов приходится на 1970-1990-е гг., но также есть и исследования последних нескольких лет. Авторы рассматривают различные аспекты консервативной теории: историю ее возникновения, рассмотренную А. А. Галкиным, ее сущность (в работах Ю. Гайда и М. Догана), проблемы наследия Э. Бёрка и других теоретиков раннего консерватизма, поднятые и изученные Н. Ф. Жирновым [3], эволюция консерватизма, выведенная М. А. Лаптевым [5], само государственное устройство Великобритании, рассмотренное Г. В. Атаманчуком, а также культурные аспекты, изученные В. Я. Денискиной. Большая часть исследований зарубежных ученых, к сожалению, и по сегодняшний день

остается непереуведенной на русский язык. Новизна данной работы заключается в рассмотрении концепции консерватизма на начальных этапах его формирования.

Родина консерватизма – Англия, а основатель – Эдмунд Бёрк, англо-ирландский политический деятель, противник революций и сторонник католической добродетели, выступавший за идею укрепления общества через развитие религиозных институтов. Его детище – консерватизм – существует более двух сотен лет. Одним только Бёрком как идеологом история консерватизма не ограничивается: к консерваторам относятся такие известные личности и политические деятели, как Бенджамин Дизраэли (он известен также как лорд Биконсфилд), Роберт Солсбери, Уинстон Черчилль, Гарольд Макмиллан, Маргарет Тэтчер, Роджер Скрутон и Майкл Оукшотт.

Концепция консерватизма прошла несколько этапов в процессе своей эволюции. В статье будут рассмотрены ранние этапы становления консерватизма в Великобритании. Иногда возникновение консерватизма относят ко времени Высокого Средневековья, а первых консерваторов отмечают в окружении Елизаветы I, что большинством современных политологов и историков считается большой натяжкой. Однако стоит отметить тех, кто был известен своим стремлением к социальному порядку и стабильности – например, Ричард Хукер. Между его трудами, представлявшими собой охранительную теорию, и консерватизмом, теоретически обоснованным и описанным только в конце XVIII века, нельзя поставить знак равенства.

На наш взгляд, первый этап становления консерватизма в Англии связан с деятельностью партии тори – партии двора, появившейся впервые в качестве оппозиции вигам, поддерживавшим Билль об отводе. Уже тут проявилась консерваторская сущность этого политического образования: Билль не должен был допустить признания наследником католика Якова, брата правящего на тот момент Карла II. Виги, названные также «народной партией», лоббировали принятие этого документа, тори же, сторонники традиционной системы наследования, яростно отрицали. Они стали известны после того, как их предводителя и фактического основателя Томаса Осборна (также католика) посадили в Тауэр.

Старая партия тори вследствие внутренних конфликтов распалась во второй половине XVIII века, сохранив при этом название, которое стало применяться в значении к любому человеку или политическому образованию, противостоявшим вигам.

Новым лидером пересобранной партии стал Генри Болингброк. Политическим идеалом лорда было общество прошлого: сельская община с четкой иерархией. Также показательным было его мнение насчет английской Конституции: он считал, что она есть самый удачный вариант политической модели, поскольку появилась не искусственно по желанию определенного монарха или вследствие работы определенной комиссии, а сложилась

исторически и накопила таким образом опыт многих поколений. Английская Конституция – это воплощение всех английских обычаев, основанное традиционным правом, равно как и права и свободы подданных. Болингброк также считал, что человек является не просто винтиком какой-либо политической системы, а полноценным членом социума, который имеет свои интересы, семью, стремления, занятия и эмоции.

Своеобразным идеологическим соратником Болингброка стал Дэвид Юм. Оба они происходили из небогатых нетитулованных семей, и Юм также был блестяще образован и неплохо устроен по жизни – так чтобы иметь достаточно времени для занятий, философией, политикой и историей [6, с. 210]. В отличие от Генри Болингброка, он не оставил отдельных трудов и все его теоретическое наследие находится в сборниках статей «Эссе на моральные и политические темы». Имея пессимистический взгляд на существование и природу человека, он переносил это же настроение и на социально-политические процессы, а источником развития общества считал сильную государственную власть. Его идеалом было устройство Англии, установившееся после Славной революции, а по своей политической принадлежности он относил себя к вигам.

Осознание себя как единого политического образования пришло к тори только в конце XVIII века. Тогда же этот термин перестал употребляться в широком значении, окончательно закрепившись за представителями определенной партии. Консерватизм – это ответ на распространение в Европе идей Просвещения и начавшуюся в 1789 году Великую Французскую революцию. Современники воспринимали революцию как то, что сломит традиционные воззрения, институты и ценности в обществе, и им совсем не нравилось то, что должно было прийти после этой ломки. Идея сохранения и защиты извечных устоев от вмешательств всякого толка была закономерным итогом такого восприятия [4, с. 106].

Второй этап становления консерватизма связан с деятельностью взгляды Э. Бёрка, а также с появлением и развитием романтического консерватизма. Воспитанный в духе религиозности, Бёрк получил образование адвоката. Он стремился сделать политическую карьеру, но небогатое происхождение закрывало ему доступ в Парламент. Положение изменило то, что в 1765 году он стал секретарем Чарльза Уотсона, занимавшего пост министра и руководившего одной из группировок вигов: тем самым мечта заняться политикой исполнилась.

Таким образом, отцом консерватизма стал человек, принадлежавший к вигам, а сам Бёрк при жизни и не подозревал, что впоследствии его назовут именно так. Его самой популярной работой стала книга «Размышления о революции во Франции», снискавшая огромную популярность среди современников. Ее можно даже назвать «бестселлером» конца XVIII в. На эту работу давали положительные отзывы такие государственные деятели, как

Георг III, Людовик XVIII, князь фон Меттерних-Виннебург, Жозеф де Местр. Эта работа стала образцовой в ряду историографий по истории Французской революции.

В своих работах с изложенными в них консервативными взглядами и пропитанными религией Бёрк вступил в своеобразное соперничество с ведущими мыслителями эпохи Просвещения, главной тенденцией которой было рациональное мышление. Он же, в свою очередь, заявил о превосходстве традиций над разумом, поскольку человека, слабого по природе, никакой разум не удержит от неверных решений и необдуманных поступков, а традиции, накопившие огромный пласт опыта, удержат [2, с. 310].

Бёрк был уверен в том, что только соблюдение традиционных устоев и правил поможет в сохранении стабильности общества и преемственности поколений, и считал, что разум человека не способен понять все те законы, по которым работает и развивается общество. В повседневной жизни индивид руководствуется в большей части интуицией, предрассудками и эмоциями, а забывая о традициях, он забывает свое прошлое и теряет себя. В конечном итоге это доказывает бессмысленность абстрактных политических теорий, которые нацелены на преобразование общества на разумных началах.

Средоточием сдерживающих и регулирующих традиций Бёрк считал конституционную монархию, в которой царит сложившееся за многие века равновесие трех элементов – короля, парламента и народа. Задача политика в таких условиях – не нарушить равновесие и поддерживать его, а не рассматривать страну как пустой лист, на котором можно писать что угодно и как угодно. Результатом непродуманных реформ может стать разрушение общественных институтов, падение нравов и нигилизм [2, с. 215].

Тем не менее, это не значит, что реформы не должны проводиться вовсе. В данном контексте Бёрк сравнил страну с деревом – оно имеет крепкий корень и ствол, которые недвижимы, но также имеет ветви, медленно, но верно отрастающие, и имеет высохшие сучья, которые по мере необходимости надо срезать для оздоровления и дальнейшего роста. В этом случае резонными считаются реформы, направленные на возвращение старых порядков и устоев, а также направленные на предупреждение революционных ситуаций.

Идеалом реформы он считал Славную революцию, целью которой было восстановление традиционных прав и принципов для сохранения конституции [1, с. 129]. Великая французская революция, наоборот, была самым ужасным примером реформирования, когда власть имущие перечеркнули прошлое страны и отказались от наследия прошлого настолько яростно и необдуманно, что даже ввели новое летоисчисление.

Базовая ценность общества есть религия, она же источник нравственности и естественный регулятор нравственности и общественного порядка. Религиозность, по Бёрку, заложена в самой природе человека, а разрушение религиозности и воцарение атеизма

приведет к падению нравственности, потому что не останется ничего, что могло бы сдерживать низменные стремления человеческой природы.

Эдмунд Бёрк, таким образом, сформулировал основные принципы консервативной доктрины, а следующими после него стали консерваторы-романтики. Это течение тоже сложилось как ответ на революцию. Консерваторы, принадлежащие к нему, идеализировали прошлое: в частности, Средние века с традициями рыцарства и героизма, и были настроены весьма решительно и патриотично, особенно в условиях того времени. Быть патриотом означало только одно – поддерживать правительство, монарха, англиканскую церковь, расшатываемую вызовами времени (нонконформистские течения и диссиденты-методисты) и ненавидеть Францию. Католическая Франция была как политическим, так и религиозным врагом.

Конкретных программ консерваторы-романтики после себя не оставили, но они определенно выражали то, что происходило в обществе. Параллельно с ними в Англии складывалась вторая формация тори и оформление официальной консервативной партии. Первым премьер-министром, которого можно официально отнести к тори, считают Уильяма Питта-младшего. Ставший в 24 года министром под королевским покровительством, он имел мало сторонников и много противников, что заставило его создать партию единомышленников.

Сложившуюся группировку называли питтитами. Сам министр считал себя вигом, но за глаза его партию называли тори, поскольку там находились те, кто был против вигов, а после смерти Питта группировка не распалась, и такое название закрепилось за ней окончательно. В ее состав вошли бывшие виги, иногда очень влиятельные новые люди, появившиеся в парламенте после победы Питта на выборах, те, кто был недоволен слишком долгим нахождением вигских семей у власти, и оказавшийся из-за этого не у дел, а также те, кому не нравилось решение вигов по ситуации с американскими колониями.

Еще больше на руку Питту сыграла Французская революция: многие виги, решив, что она то же самое, что и Славная революция, поддержали ее, но потом эта поспешная поддержка оказалась критической. Те, кто не поддержал революцию, сбежали к питтитам.

Поддержка новой партии шла не только от акторов политической арены, но и от слоев населения, не связанных с государственными делами: джентри (мелкие и средние землевладельцы), англиканская и шотландская церкви.

Партия все еще не имела своей политической программы, но сформировала свои основные принципы, названные позже традиционными принципами торизма:

- покровительство интересам землевладельцев;
- защита трона и англиканской церкви;

– сохранение единства и целостности империи.

От этих принципов тори не отказывались на протяжении всего XIX столетия. В 1820-х годах в партии тори возникло разногласие, в результате чего возникла отдельная группировка либеральных тори, и мы сегодня можем говорить о двух течениях консерватизма – непосредственно либеральном и консервативном. Консерваторы умело лавировали между реакционными и реформаторскими идеями и лозунгами: в этом заключается и феномен существования консерватизма, который популярен и сегодня. В 1830-е годы в английской политике официально утвердились понятия «консерватизм» и «консерваторы». Так стали себя называть тори, закрепив за собой второе название [2, с. 110].

Со времени возникновения первой группировки тори и до официального признания консерватизма прошло мало времени по историческим меркам, но именно в этот период в полтора века установились самые важные вехи в развитии данной идеологии. В это время выработались основные представления консерватизма: об обществе как о системе с собственными законами (имманентными), об иерархичности общества, о необходимости сильного государства и незыблемости традиций, религиозности, свободе и равенстве перед законом для всех. Бёрк стал восприниматься как идейный вдохновитель – его труды анализировались, критиковались, цитировались и воспринимались как руководство к действию [3, с. 116].

Подводя итоги работы, отметим, что выделенный в ее рамках первый этап становления консерватизма в Англии следует рассматривать как базу: здесь появляются «зачатки» теории. Можно увидеть, как концепция начала зарождаться, какие политические, социальные и экономические события становились причиной её изменений, узнать о взглядах мыслителей того времени, которых можно считать предшественниками классического консерватизма.

Второй этап изучен более подробно. Именно работы и политическая деятельность Э. Бёрка открыли новую веху развития консерватизма в Британии. Также уже в тот период складываются некоторые ответвления от основного течения консерватизма: например, романтический консерватизм.

Таким образом, можно сделать вывод, что два первоначальных этапа дополняют друг друга. Если первый этап – это постепенное зарождение на протяжении нескольких веков, когда можно рассматривать предпосылки и само появление, то второй можно оценивать как период оформления консерватизма как доктрины.

Консерватизм, прочно обосновавшись в политике, проник затем и в культуру, сформировав особый подход к личности: он не признает индивида как самостоятельную единицу общества, не могущую существовать нигде, кроме социума. Личность вне социума

просто не рассматривается, а индивид ценен только тем, что из множества ему подобных складывается общество.

Британский консерватизм имеет много течений, но все течения объединяет превознесение всеобщего равенства перед законом и преемственности поколений. Британские консерваторы всегда прагматичны, а потому предпочитают теории практику, жертвуя первой в угоду последней. В политике либералы сменяют консерваторов, консерваторы сменяют либералов, но уклад жизни все же остается консервативным, принимающим новшества не спеша и осторожно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. – М.: Всероссийская государственная библиотека ин. лит. им. М. И. Рудомино, 1993. – 144 с.
2. Бёрк Э. Правление, политика и общество: сборник. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 480 с.
3. Жирнов Н. Ф. История политической мысли: консерватизм. – М.: Юрайт, 2019. – 202 с.
4. Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива // Материалы постоянно действующего научного семинара. – М., 2010. – Вып. 3. – 104 с.
5. Лаптев М. А. Граф Дерби, Бенджамин Дизраэли и проблема эволюции британского консерватизма в 1852-1866 годы: дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2006. – 225 с.
6. Юм Д. Природа человека: хрестоматия / подготовлено А. Марковым, С. Церетели и др. – М.: АСТ, 2019. – 284 с.

КЛЮЕВ Н. Н.
ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР И ЮЖНЫЙ СУДАН:
БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматривается специфика современной борьбы за независимость на примере сецессий Восточного Тимора и Южного Судана. Автор анализирует предпосылки конфликтности в данных регионах, ход вооруженных противостояний и их результаты. В работе исследуются характерные черты и особенности борьбы за независимость в XXI веке.

Ключевые слова: борьба за независимость, самоопределение, Южный Судан, Восточный Тимор, возникновение новых государств, сецессия, НОДС, ФРЕТИЛИН.

KLYUEV N. N.
EAST TIMOR AND SOUTH SUDAN:
STRUGGLE FOR INDEPENDENCE IN THE XXI CENTURY

Abstract. The article considers the specifics of the modern struggle for independence on the example of East Timor and South Sudan secessions. The author analyzes the prerequisites of conflict in these regions, the course of armed conflicts and their results. The work presents a study of the characteristics and features of the struggle for independence in the XXI century.

Keywords: struggle for independence, self-determination, South Sudan, East Timor, emergence of new states, secession, SPLA, FRETILIN.

В XXI веке тенденция к самоопределению и независимости по-прежнему присутствует во многих странах. В период с 2000 года по настоящее время можно выделить ряд государств, получивших независимость, однако стоит отметить, что некоторые из них являются только частично признанными. В данном исследовании будут изучены процессы борьбы за независимость в двух государствах: Восточном Тиморе и Южном Судане. Это обусловлено тем, что обе эти страны общепризнаны и входят в ООН, в обеих странах произошли военные столкновения и оба новообразовавшихся государства являлись либо частью более крупной, ранее отделившейся колонии, либо бывшей колонией, но перешедшей под влияние другой отделившейся колонии (в случае с Южным Суданом – это Судан, бывшая колония Великобритании, а Восточный Тимор изначально отделился от Португалии, но был присоединен к Индонезии которая ранее получила независимость от Нидерландов).

Конфликты в Восточном Тиморе и Южном Судане и их предпосылки к нынешнему моменту достаточно хорошо изучены. Особенности и ход Восточнотиморского конфликта рассматривали такие российские исследователи, как Е. В. Есакова [3], О. Л. Петрова [8],

В. Ф. Урляпов [12; 13; 14], А. М. Хазанов [15], О. А. Харина [16], а из зарубежных ученых стоит выделить Б. Кирнана [19]. Специфику и особенности Южносуданского конфликта и сецессии исследуют такие российские учёные, как А. Е. Жуков [4], С. В. Костелянец [5], Е. А. Кудров [6], А. В. Макутчев [7], А. С. Равняго [9], С. Ю. Серегичев [10], С. Г. Сизов [11]. Среди иностранных авторов наибольший вклад в исследование темы внесли А. Кумса [20], Д. Джонсон [18], Р. Коллинз [17].

Цель исследования – проанализировать примеры современной борьбы за независимость и выявить причины и особенности сецессий. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач. Во-первых, рассмотреть исторические предпосылки конфликтов в Восточном Тиморе и Южном Судане. Во-вторых, проанализировать ход конфликтов и их результаты. В-третьих, выявить особенности данных конфликтов и определить общие черты современной борьбы за независимость.

Восточный Тимор – государство в Юго-Восточной Азии. Первые упоминания о Тиморе можно найти ещё в китайских источниках XIII века, в основном, они описывают его как место богатое сандаловым деревом. Прибытие португальцев на Тимор датируется 1514 годом, позднее они регулярно посещали его и обменивали сандал, мёд и воск на различные ткани, ножи, шпаги и т.д. [15, с. 114]. Появление на островах голландцев в 1595 году сильно осложнило и обострило ситуацию в Тиморе: их атаки вынудили португальцев отойти на остров Флорес. В 1646 году португальцы построили свой форт в Купанге (остров Тимор), но позже он был захвачен голландцами и стал их опорной точкой для вооруженных операций. После ряда попыток назначения губернаторов в «феодалное владение» Тимор со стороны португальцев и попыток договориться с голландцами в 1702 году губернатор Антонио Коэлью Геррейро сумел занять свой пост, и Тимор был официально объявлен колонией Португалии. В итоге произошел неофициальный раздел Тимора на западный (нидерландский) и восточный (португальский), а также анклав Окусси на северо-западном побережье. После ряда инициированных Гаагой переговоров о продаже земель, а позже о делимитации границ, только в 1854 году между Португалией и Нидерландами было подписано соглашение об обмене территориями и делимитации границ, вступившее в силу пять лет спустя. Окончательный же раздел границ был определен только в 1914 году.

Процесс деколонизации, который затронул большое количество государств в XX веке, начался и в Восточном Тиморе. «Революция гвоздик» и планы деколонизации заморских владений подтолкнули народ к формированию освободительных движений. На тот момент в Восточном Тиморе образовались три партии/общественных движения: Демократический Союз Тимора (УДТ), который продвигал право Восточного Тимора на самоопределение; Тиморская социально-демократическая ассоциация, которая позже была переименована в

Революционный фронт за независимый Восточный Тимор (ФРЕТИЛИН), главная цель которого – стремление к независимости; Ассоциация за интеграцию Восточного Тимора в состав Индонезии (АПОДЕТИ). Последняя имела огромную поддержку со стороны Индонезии и спонсировалась ей. В 1975 году произошло объединение УДТ и ФРЕТИЛИН, но коалиция распалась, и после неудачной попытки УДТ совершить государственный переворот ей пришлось отступить «под крыло Индонезии» [12, с. 68].

Португалия в 1975 году решила вывести войска из Восточного Тимора, тем самым предоставив им право на самоопределение, и в ноябре ФРЕТИЛИН провозгласил независимость Демократической Республики Восточный Тимор. Индонезия, воспользовавшись благоприятным моментом, ввела войска на территорию Восточного Тимора, объяснив это попыткой подавления гражданской войны. Позже правительство Индонезии во главе с Сухарто убедило США, Португалию, Австралию и Великобританию, что включение в состав Восточного Тимора – это самый разумный выход из ситуации, и после этого индонезийская армия начала полномасштабное вторжение. Операция началась в декабре 1975 года: после массовой гибели военных с обеих сторон, а также большого количества мирных жителей в июле 1976 года Восточный Тимор стал новой провинцией Индонезии.

Спустя 23 года уже после ухода в отставку Сухарто власти Индонезии заговорили если не об отделении Восточного Тимора, то о присвоении ему особого статуса. В итоге под давлением США и ООН и угрозой экономического кризиса в Индонезии в Восточном Тиморе был проведён референдум по вопросу самоопределения. 78,5 % населения высказались за независимость. Партизанская война, длившаяся с 1974 года и возглавляемая ФРЕТИЛИН, всё же принесла свои плоды. После ещё ряда стычек и конфликтов и начала миротворческой операции ООН на территории Восточного Тимора 20 мая 2002 года была провозглашена Демократическая Республика Восточный Тимор-Лешти (Восточный Тимор). Первым президентом Восточного Тимора был избран Шанана Гужмау.

Таким образом, рассмотрев исторические предпосылки конфликта и его ход с конечным результатом в виде провозглашения Демократической Республики Восточный Тимор, стоит выделить отличительные особенности данной сецессии.

Во-первых, основной причиной образования конфликта и стремления к отделению Восточного Тимора стала чересчур жёсткая политика правительства Индонезии. Главной ошибкой ещё в 1975 году стал фактический захват территории Восточного Тимора насильственным путём. Под предлогом пресечения гражданской войны армия Индонезии уничтожала не только «бунтовщиков» ФРЕТИЛИН, но и огромное количество мирных людей. За 25 лет оккупации в Восточном Тиморе погибло, по разным источникам, от 150 тысяч до 250 тысяч человек, около 200 тысяч человек стали беженцами, было уничтожено 80 % жилищ [16,

с. 112]. Очевидно, что путем жесткого подавления «сил несогласных с присоединением к Индонезии» добиться сотрудничества, формирования общих целей и общего будущего было невозможно.

Во-вторых, в обострившейся ситуации в 1997-1999 годах Индонезии было уже экономически не выгодно вести борьбу с партизанскими движениями и удерживать Восточный Тимор в составе государства. Давление со стороны США, в первую очередь, угроза экономического кризиса и отсутствие финансовой поддержки кредиторов из-за нестабильной ситуации в стране вынудили правительство пойти на решительные уступки в данном вопросе.

В-третьих, как мы уже отметили, практически за весь период существования Восточный Тимор так и оставался под властью Португалии, в то время как вся остальная территория современной Индонезии принадлежала Ост-Индии (Голландии). Возможно, это обусловлено сложным географическим положением, особенностями данной местности или упорством народов, проживающих на данной территории, но примечательно, что и в современности «сближения с Индонезией» так и не произошло.

Южный Судан – государство в Восточной Африке. Причины конфликта между южными и северными народами Судана уходят корнями в древность. Еще в V веке первыми из государств, принявших христианство на африканском материке, были царства, находившиеся на территории нынешней северной и центральной части Судана.

Однако с приходом арабов-бедуинов с территории Египта и началом стремительной исламизации севера Африки ситуация обострилась. Народы северного Судана долго сопротивлялись экспансии арабов, последнего христианского короля заменил мусульманин только в 1315 году. На юге распространению завоевателей сопротивлялись до 1504 года, но после арабы начали вытеснять коренные африканские народы с целью расселения и выращивания скота и на данных территориях. После продолжительной экспансии арабо-исламских завоевателей в Судан пришли турки и египтяне, и в 1820 году Мухаммедом Али эти территории были подчинены Османской империи. Именно в этот период наиболее четко сформировалось разделение Судана на две части: мусульманский север и немусульманский юг. В это время отмечается расширение работорговли и рабами становились исключительно представители немусульманского юга. Это и породило дезинтеграцию, так как фактически народы юга Судана на тот момент имели самый низкий статус в отличие от народов севера.

В 1899 году образовался англо-египетский кондоминиум. Он основывался на управлении отдельно югом Судана и отдельно севером. Основной принцип этой отдельной «южной политики», объявленной в 1930 году колониальной администрацией в Хартуме, заключался в использовании местных структур власти, местных законов и обычаев до тех пор, пока они поддерживают британскую идею хорошего управления и справедливости [20, p. 515].

После Второй мировой войны египетскими и северными суданскими националистами были предприняты попытки бороться за независимый и единый Судан. В октябре 1953 года южане провели собственную конференцию в Джубе, проголосовав за независимость Судана от Египта, но в виде федеральной системы с автономным государством на юге. Данное требование было отвергнуто севером и 1 января 1956 года Судан был объявлен независимым унитарным государством. Политика севера привела к восстанию в Торите в августе 1955 года. Это событие для южных суданцев являлось началом борьбы против северного гнёта. Первая гражданская война длилась с 1955 по 1972 год. В феврале 1972 года было подписано Аддис-Абебское соглашение, которое гарантировало автономию юга, включающего в себя три провинции. Английский язык получил статус регионального на юге, а официальным языком Судана стал арабский. Так как большинство повстанцев не были согласны с подписанием перемирия, спустя 10 лет вспыхнула вторая гражданская война [20, р. 517].

В данном контексте стоит отметить важную роль США в начале второй гражданской войны (1983-2005). Судан стал важным стратегическим союзником США, так как мог обеспечить региональный противовес Эфиопии, которую поддерживал СССР. Решающим фактором послужило и то, что в Южном Судане были обнаружены нефтяные месторождения, которые были приоритетной целью как для суданского правительства, так и для американских инвесторов. В январе 1983 года правительство во главе с Джафаром Нимейри отменило Аддис-Абебское соглашение и тем самым развязало новую войну.

В 1983 году на юге было образовано Народно-освободительное движение Судана (НОДС) и Народная армия освобождения Судана (НАОС). В 1995 году оппозиция на севере объединилась с южанами и образовался Национально-демократический альянс (НДА). Соседние страны поддержали повстанцев. Правительство в 1997 году было вынуждено подписать декларацию о праве на самоопределение Южного Судана. Также Омар аль-Башир предложил Южному Судану культурную автономию в составе, но лидер повстанцев Джон Гаранг не согласился и военные действия продолжились. После долгих переговоров о прекращении огня с 2002 по 2005 года, в январе 2005 года правительство и НОДС подписали всеобъемлющее мирное соглашение (ВМС) [1]. Соглашение предоставило народу право на самоопределение после 5 лет автономного самоуправления.

В ходе второй гражданской войны в Судане в результате боевых действий, этнических чисток и голода погибли от 1,5 до 2 миллионов человек [2]. С 9 по 15 января 2011 года в Южном Судане прошёл запланированный референдум о независимости. 98,8 % населения высказались за независимость. 9 июля 2011 года новое государство Южный Судан было официально провозглашено независимым, 14 июля принято в ООН.

Таким образом, рассмотрев исторические предпосылки конфликта и его ход с конечным результатом в виде провозглашения независимости Республики Южный Судан, стоит выделить отличительные особенности данной сецессии.

Во-первых, основная причина формирования конфликта между народами севера и юга Судана заключается в жёсткой политике исламизации и арабизации данных земель. Эта тенденция продолжалась и после колониального периода. Насильственная исламизация и угнетение населения со стороны правительства только усугубляли и без того сложные отношения между народами и вызывали новые восстания южан.

Во-вторых, власть в Судане на протяжении почти всей истории поддерживалась именно военной силой. Это стало причиной многочисленных военных переворотов в стране. Из-за частой смены власти и неустойчивости режима новые правительства не могли сформировать адекватную смягчающую политику, требовались решительные жесткие преобразования с целью укрепления и централизации власти, но они в свою очередь поддерживались лишь севером, в то время как мятежный юг был отдельной обособленной частью, мнение которой не учитывалось. Это ещё больше усугубляло ситуацию, вызывало новые восстания и ещё большее стремление юга к сецессии.

В-третьих, конфликт, который начался ещё в 1955 году и продолжался почти 50 с лишним лет, требовал огромных затрат и стоил миллионов жизней солдат. Экономика Судана была разрушена радикальными преобразованиями и постоянным ведением войны с повстанцами юга. В некоторые периоды не хватало топлива и продовольствия, начинался голод, не стоит забывать и о периодах засухи (свойственное явление для африканских стран).

Проанализировав современные примеры сецессий, необходимо выделить ряд особенностей, присущих борьбе за независимость XXI века.

Во-первых, причиной обоих конфликтов являлась жесткая политика правительства, основанная на непринятии каких-либо уступок в отношении народов, стремящихся к независимости, а также применение военной силы и насильственных методов регулирования. Массовая гибель сил сопротивления и мирных граждан в Восточном Тиморе и в Южном Судане только усугубляла и без того напряженные взаимоотношения с правительством. В результате не было и речи о предоставлении этим частям территории автономии в составе государства, повстанцами поддерживалась только сецессия без каких-либо компромиссов.

Во-вторых, конфликты в Восточном Тиморе и в Южном Судане сопровождались активным вмешательством соседних государств, а также крупнейших мировых держав, в особенности США. В Восточном Тиморе это проявилось в изначальной поддержке США, Австралией и рядом других стран отрядов индонезийской армии, поставке оружия, а в завершающей стадии конфликта, когда ситуация была практически неконтролируемой, они

усилили давление уже на Индонезию с целью скорейшего прекращения конфликта и признания независимости Восточного Тимора. В ситуации с Южным Суданом США и соседние африканские страны поддерживали суданское правительство, поставляли оружие и инвестировали в экономику, но после недальновидной политики действующего правительства Омара аль-Башира партнерские отношения были разрушены, поставки оружия и финансирование прекратилось, что вынудило правительство Судана перейти к уступкам и в результате признать независимость Южного Судана.

В-третьих, даже после урегулирования конфликтов посредством ООН и образования новых независимых государств, и в Восточном Тиморе, и в Южном Судане ситуация оставалась напряжённой. Это проявилось в ходе Восточнотиморского кризиса (2006), и в ходе конфликтов в Южном Кордофоне (2011), Хеглиге (2012) и попытки государственного переворота в Южном Судане (2013). В новых государствах, слабо организованных и нестабильных, возникали противоречия между группами мнений, а также конфликты в спорных районах. В приграничных районах такая тенденция наблюдается во многих странах мира и урегулируется смягчающей политикой, но в новообразовавшихся государствах эти противоречия приводят к значительным жертвам среди мирного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобъемлющее мирное соглашение между правительством Республики Судан и Народно-освободительным движением (армией) Судана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902134565> (дата обращения 10.04.2022).
2. В Судане заключено перемирие между Севером и Югом, но беспорядки в провинции Дарфур продолжаются [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2005/01/10/sudan> (дата обращения 10.04.2022).
3. Есакова Е. В. Австралия и создание Демократической республики Восточный Тимор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 4. – С. 104–114.
4. Жуков А. Е. Судан: мир в обмен на отделение Северный и Южный Судан на завершающем этапе дезинтеграции (2005-2011) // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 4 (657). – С. 36–40.
5. Костелянец С. В. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 10 (687). – С. 31–35.
6. Кудров Е. А. Судан на пути к разделению в 2011 г. Проблема Юга страны и пути ее решения // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2008. – № 3. – С. 51–67.

7. Макутчев А. В. Война за ресурсы: абьейский конфликт между Суданом и Южным Суданом // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 1 (82). – С. 46–50.
8. Петрова О. Л. Сецессия в Индонезии (пример Восточного Тимора) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – Т. 2. – № 3 (40). – С. 191–205.
9. Равняго А. С. Конфликт в Южном Судане: роль Великобритании в стабилизации обстановки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 2 (835). – С. 94–105.
10. Серегичев С. Ю. Раздел Судана: проигрыш или победа суданских исламистов? // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012. – № 9 (89). – С. 248–256.
11. Сизов С. Г. Историко-культурные и политические факторы межэтнических отношений на территории Северного и Южного Судана // Вестник Омского университета. – 2012. – № 1 (63). – С. 340–345.
12. Урляпов В. Ф. История Тимора-Лешти. XX век / отв. ред. Д. В. Мосяков; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – 256 с.
13. Урляпов В. Ф. Тимор-Лешти после независимости // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2008. – № 11. – С. 255–276.
14. Урляпов В. Ф. Трудности становления // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 10 (627). – С. 37–42.
15. Хазанов А. М. Восточный Тимор: долгий путь к независимости // История и современность. – 2012. – № 2 (16). – С. 113–129.
16. Харина О. А. Конфликт вокруг Восточного Тимора как показатель международного игнорирования // Апробация. – 2014. – № 6. – С. 111–112.
17. Collins R. A History of Modern Sudan. Cambridge University Press, 2008. – 233 p.
18. Johnson D. The Root Causes of Sudan's Civil Wars. Indiana University Press, 2003. – 254 p.
19. Kiernan B. War, Genocide, and Resistance in East Timor, 1975-99: Comparative Reflections on Cambodia / The resistance in East Timor: the UN-sponsored truth commission analysis. – 2008. – P. 199–231.
20. Kumsa A. South Sudan struggle for independence, and its implications for Africa // RUDN Journal of Sociology. – 2017. – Vol. 17. – No 4. – P. 513–523.

ВЛАСОВ С. Г., ГУТРИН В. Р.
СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ПРОТЕСТА:
БЕЛАРУСЬ И КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассмотрена специфика современного протеста на примере протестов в Беларуси 2020 года и в Казахстане 2022 года. Выявлены и проанализированы основные факторы, влияющие на характер протеста, в том числе причины протестов и социально-экономическое положение двух стран накануне массовых акций. Изучена реакция режимов на различные виды протеста, сделан вывод о наибольшем влиянии демографического фактора.

Ключевые слова: современный протест, характер протеста, политический режим, Беларусь, Казахстан.

VLASOV S. G., GUTRIN V. R.
NATURE OF MODERN PROTEST:
BELARUS AND KAZAKHSTAN

Abstract. The specifics of modern protest has been analyzed on the example of Belarus 2020 and Kazakhstan 2022 protests. The main factors influencing the protests have been revealed and analyzed, including the causes of protests and socio-economic situation in the two countries on the eve of mass actions. The reaction of the regimes to different types of protests was studied, and the conclusion about the greatest influence of the demographic factor was made.

Keywords: modern protest, nature of protest, political regime, Belarus, Kazakhstan.

Политический протест является неотъемлемой частью политической жизни современных демократических государств. Подобно выборам, он стал формой обратной связи граждан со своими правительствами. Право на протест защищено соответствующими положениями конституций всех стран-членов ЕС, Великобритании, США, Канады и др., оно гарантируется гражданам в самой широкой форме. Ярким примером здесь будут протесты в Америке в 2020 году (движение BLM), а также протесты «желтых жилетов» во Франции, начавшиеся в 2018 году [1; 5].

Однако совершенно иным является политический протест в странах с авторитарными режимами, каковыми являются Беларусь и Казахстан. Протест в этих государствах не только сопряжен с определенными рисками, подкрепленными репрессивным законодательством, но и фактической невозможности легального массового протеста, несмотря на формально закрепленное право на мирный протест в конституциях Беларуси (статья 35 Конституции РБ) и Казахстана (статья 32 Конституции РК) [8; 9]. Как отмечает К. М. Макаренко, абсолютно

очевидно, что характер массовых акций протеста и реакции на них со стороны властвующей элиты зависит не столько от нормы закона, сколько от политических факторов, связанных со стремлением к сохранению устоявшихся правил игры [10].

Безусловно, можно привести достаточно примеров, когда протесты, обладающие анархистскими тенденциями, в развитых западных демократиях подавлялись довольно жестко с применением силы. Однако, по нашему мнению, будет некорректно уравнивать данные события с протестами в Казахстане и Беларуси, так как существует значительная разница как в причинах протестов, так и в их последствиях, то есть в реакции правительства и политических лидеров.

В то же время протесты в Беларуси в 2020 году и в Казахстане в начале 2022 года кардинально различаются по своему характеру. Если протесты в Беларуси носили выражено мирный характер, то в Казахстане стали примером активного и довольно жестокого уличного протеста. Важно выделить основные причины, влияющие на протестную активность и ее характер, а также проанализировать основные предпосылки протестных движений, что позволит выявить их отличия в авторитарных странах, а также возможности и потенциал мирного протеста.

Исследователи в качестве основной причины протестов отмечают усталость граждан от бессменного правления Лукашенко в Беларуси и Назарбаева в Казахстане [11; 17]. Этот момент особенно примечателен потому, что сложно припомнить в западных демократиях схожие протесты, в числе основных причин которых выделяется усталость от бессменного правления какого-либо лидера. Скорее, они схожи тем, что в их основе лежит, прежде всего, недовольство проводимой политикой действующего политического лидера. Безусловно, это не единственная причина: они дифференцируются в зависимости от страны. Но, по мнению исследователей, усталость от режима является ключевой.

Республика Беларусь среди европейских постсоветских стран пошла по пути наибольшего, по сравнению с остальными, преобразования своего советского прошлого в постсоветскую автократию. При этом, как отмечает Т. Щитцова, режим Лукашенко в своей политике, идеологии и официальной риторике демонстрировал – и нарочито подчеркивал – больше общих скреп с советской системой, нежели, например, режим В. Путина [20]. В связи с этим реакция режима Лукашенко на мирные протесты 2020–2021 гг. может рассматриваться как «судорожное усилие» сохранить модель власти, которая во много была связана с советским режимом.

На наш взгляд, критическим для политического режима Беларуси является отсутствие систематической функциональной взаимосвязи между государственным аппаратом и гражданским обществом. Авторитарная власть не представляет и не принимает во внимание

интересы общественности. Сложился такой тип авторитарного правления, который строился на неуважении к интересам граждан – на их политической индифферентности.

В политической системе Республики Казахстан также можно выделить некоторые особенности, свойственные постсоветским режимам. Как отмечает С. Шкель, во многом суть политического режима в Казахстане определяется сохраняющейся неотделимостью собственности от власти [19]. Режим опирается как на личный капитал, сконцентрированный в руках клана («семьи») Н. Назарбаева, так и на средства крупного бизнеса, зависимого от власти. Тем самым, во-первых, обеспечивается контроль политической власти над важнейшими ресурсами; во-вторых, крупный капитал используется в качестве политического инструмента для ликвидации или нейтрализации нелояльных по отношению к властям субъектов, а также служит базой для давления на СМИ в целях манипулирования общественным мнением и наращивания символических ресурсов.

Сращивание политической власти и собственности может поддерживаться только с помощью бюрократического аппарата – силовых и гражданских ведомств. Его ядром и главным звеном является администрация президента, транслирующая политические цели и задачи на более низкие административные уровни [19].

Долгое время в Казахстане президент сохранял устойчивую легитимацию и пользовался определенной поддержкой электората, из-за чего такая система могла функционировать достаточно эффективно вплоть до 2019 года. Трансформация режима, начавшаяся с процесса трансфера власти от Назарбаева к Токаеву и закончившаяся протестами января 2022 года, когда Президент, смягчая недовольство протестующих, устроил показательные чистки «назарбаевских» элит, продемонстрировала готовность режима к поверхностным изменениям своего уклада при угрозе массового и неподконтрольного протеста в стране.

А. Митин, исследуя причины и последствия протестов в Казахстане, отмечает, что Токаев не столько продемонстрировал волю к демократизации страны, сколько воспользовался удобной возможностью избавиться от пережитков режима Назарбаева, тем самым не только развязав себе руки в плане управления страной, но и выполнив одно из главных требований протеста – отстранения семьи Назарбаева от власти [11].

Можно отметить, что постсоветские режимы, коими являются режимы Беларуси и Казахстана, способны к политической гибкости лишь в случае реальной угрозы их смены силовым путем. С одной стороны, выраженно мирные протесты в Беларуси не привели к значимому результату – смене политического режима: А. Лукашенко удалось достаточно жестко подавить протесты и остаться у власти с опорой на старую политическую элиту и силовые структуры, утратив при этом значительную часть легитимности своей власти. С

другой стороны, достаточно активному и жестокому протесту в Казахстане удалось добиться некоторых целей, главная из которых – отстранение семьи Назарбаева от управления страной, заморозки цен на газ и объявления курса на демократические реформы.

Рассматривая демографическое положение Беларуси, следует отметить, что в 2020 году общее население Республики составляло 9 451 688 человек, на 100 женщин приходилось 87 мужчин. Изначально мужчин в стране рождается значительно больше, чем женщин, однако затем показатели изменяются. Что же касается среднего возраста жителя, то он составляет 40,7 лет, при этом у мужчин он равен 38 годам, а у женщин – 43 годам. Статистику среднего возраста жителя подтверждает и средняя продолжительность жизни, которая составляет у мужчин 65,6 лет, у женщин – 77,2 года [13]. Рождаемость в Беларуси на спаде: по данным Национального статистического комитета, в Беларуси в 2018 году родилось 94,042 тыс. человек, что является минимальным показателем за последние 13 лет (с 2005 года) [4].

В ходе анализа оппозиционной активности в Республике Беларусь было выявлено превалирование пользователей-мужчин в белорусских протестных информационных потоках. При этом в течение последних нескольких лет в Беларуси происходит рост числа женщин, вовлеченных в протесты. А в социальном срезе выделяются две основные возрастные группы: 26–35 лет и 36–45 лет [16]. Таким образом, для Беларуси тезис «о вовлеченности в протест лишь молодежи» оказался несостоятельным.

Можно сказать, что в Беларуси сложилась неклассическая демография протестной активности, т.к. при традиционно большей вовлеченности в нее мужчин, в стране возросла доля женского населения, которое охарактеризовали как «лицо мирного протеста».

Согласно официальной статистике, общая численность населения Казахстана на 2020 год составляет 18 972 079 человек, из них 48 % – мужчины (9 112 776 человек), 52 % – женщины (9 859 313 человек) с соотношением в 0,92. Средняя продолжительность жизни – 68,5 лет, где у мужского населения – 63,2, а у женского – 74,1 года [15]. Средний возраст жителя Республики в 2021 году – 31,94 года: у мужчин – 30 лет, у женщин – 33 года [3].

К сожалению, пока нет исследований по вовлеченности той или иной демографической группы в протестное движение Казахстана, однако данные о среднем возрасте жителей позволяют предположить, что средний «возраст» протеста был значительно ниже, чем в Беларуси.

Протесты в Казахстане – это традиционно мужская активность, при этом сокращение числа женщин в протестных информационных потоках может способствовать их радикализации и уходу от мирного характера протестов [4], что во многом подтверждается событиями 2022 года, изначально имеющими и более радикальную позицию, и конкретную цель: возвращение цен на газ.

Кроме того, протестная активность имеет свою специфику в разных городах Казахстана. Так, например, А. Митин указывает, что главным направлением для внутренних мигрантов, помимо столицы Нур-Султана, является Алма-Ата. Поэтому неслучайно, что именно она стала центром протестов. Кроме того, у города и раньше была протестная репутация: здесь много либерально настроенных студентов и гораздо меньше лояльных режиму граждан, нежели в Нур-Султане, который считается городом чиновников, силовиков и сотрудников госкомпаний [11].

Среди показателей, детерминирующих протестное поведение население, эксперты также выделяют социально-экономическое развитие страны. Т. Щитцова подчеркивает базовую потребность людей в обретении более-менее стабильной социально-экономической опоры после краха СССР как главный фактор, сработавший на пользу формированию и устойчивости режима Лукашенко на многие годы [20]. Социально-экономическое положение белорусов находит слабое выражение в протестной повестке.

Экономика Беларуси строится на трех столпах: сельское хозяйство, а также тяжелая и химическая промышленность [21]. Согласно официальному интернет-порталу Президента Республики Беларусь общий ВВП государства за 2019, 2020 и 2021 года составил 64,41, 60,26 и 61,6 млрд. долларов соответственно, валовой внутренний продукт на душу населения за те же годы: 6831, 6397 и 7032 долларов соответственно [22]. Медианная зарплата (везде, не только в Беларуси) – заметно меньше средней: в 2021 году медианная зарплата составила 1096,2 белорусских рублей. В то время как средняя зарплата 2021 году – 1476,3 белорусских рублей, то есть медианная ниже средней на 25,7 %. Такая же тенденция прослеживается и в 2019 и в 2020 годах [7]. При этом, согласно статистике, в 2019 году инфляция составила 4,7 %, в 2020 году на фоне пандемии выросла до 7,4 %, а уже в 2021 году на фоне продолжающейся пандемии составила уже 9,97 % [6].

Однако пандемия COVID–19, повлиявшая на состояние экономики всех государств, в том числе и Беларуси, не способствовала превалированию протестного фактора «экономическое положение населения» над «усталостью от несменяемости власти». При этом события, связанные с пандемией, еще больше настроили население страны против Лукашенко в связи с непопулярностью выработанной стратегией борьбы с распространением коронавируса [15].

Согласно официальной статистике, экономика Казахстана во многом зависит от топливно-добывающей промышленности, ведущими отраслями экономики государства являются: топливно-энергетический комплекс, цветная и черная металлургия, химическая промышленность. Общий ВВП Республики за 2019, 2020 и 2021 года – 181,67, 171,08 и 177,9 млрд. долларов соответственно. ВВП на душу населения составил 9 812,59 и 9121,7 в 2019 и 2020 годах соответственно [2]. Для периода с 2020 по 2021 гг. характерно ухудшение

материального положения значительной части казахского общества: в 2020 г. размер медианной зарплаты в стране составил 142,3 тыс. тенге [22], в 2021 г. – 157,9 тыс. тенге. Зарплата среднего работающего выросла на 10,9 %, но при этом наблюдался рост инфляции: в 2020 году она составила 7,5 %, а в 2021 – уже 8,9 %. Продовольственная инфляция еще выше: 11,3 % в 2020 году и 10,9 % за первые 11 месяцев 2021 года [11].

В случае с Казахстаном, по мнению А. Митина, именно неравенство доходов и сильное социальное расслоение казахского общества, а также коррумпированность и nepотизм правящей элиты, жестокость правоохранительных органов по отношению к оппозиции стали одними из основных причин массовых протестов [11].

Согласно данным КИСИ при Президенте РК, группу основных причин социальных конфликтов, как показывают результаты опроса, входят рост цен, безработица, инфляция, повышение тарифов, нарушение прав человека и коррупция [18].

Таким образом, значительную роль в формировании характера протеста сыграли разные группы факторов: экономические, демографические, политические. Если основной причиной протестов в Республике Беларусь можно считать усталость от политического режима А. Лукашенко, а поводом – фальсификацию выборов, что изначально превращает протест в политический, изначальная цель которого – отставка Лукашенко; то основной причиной протестов в Казахстане можно считать ухудшающуюся экономическую ситуацию и сильное социальное расслоение, целью – улучшение уровня жизни, а поводом – повышение цен на газ, что придает протесту экономический характер. Протест в Казахстане приобрел политический окрас несколько позже, когда наряду с социально-экономическими требованиями были озвучены условия смены политической системы страны и отстранение Назарбаева от власти.

Значительную роль в формировании характера протеста сыграл демографический фактор. В Казахстане высокая рождаемость; средний возраст граждан ниже, чем в Беларуси; участие в протестах в основном принимают мужчины, тогда как в Беларуси среди протестующих очень много женщин. В связи с относительной молодостью казахстанского населения и высокой рождаемостью, присущей мусульманским странам Азии, ценность жизни в Республике Казахстан ниже, нежели в большей степени Европейской Беларуси с низкой рождаемостью и более возрастным населением. В связи этим протест в Республике Беларусь носил выражено мирный характер, который, однако, служил вполне определенной политической цели – делегитимизировать режим А. Лукашенко.

Анализируя результаты протестов, следует отметить, что мирный протест в Республике Беларусь практически не достиг своих целей. Президенту А. Лукашенко удалось подавить протестную активность в стране силовым путем, выражено мирный характер

протеста позволил добиться лишь определенной делегитимации режима. Именно в результате протестов 2020 года относительно мягкий постсоветский авторитарный режим Лукашенко превратился в очень жесткую автократию с обширным репрессивным аппаратом. Более активный и жестокий протест в Казахстане, несмотря на довольно жесткое подавление с участием миротворческих сил ОДКБ, напротив, достиг своих целей, в частности удаления Назарбаева от власти и заморозки цен на газ, а также провозглашения курса на демократические реформы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев И. В. Влияние протестов «BLACK LIVES MATTER» на президентскую гонку в США в 2020 г. // Гуманитарный акцент. – 2021. – № 2. – С. 36–41.
2. ВВП Казахстана 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://take-profit.org/statistics/gdp/kazakhstan> (дата обращения 14.04.2022).
3. Глава государства принял Премьер-министра Аскара Мамина информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-premer-ministra-askara-mamina-8114741> (дата обращения 14.04.2022).
4. Демографический кризис в Беларуси. Новый антирекорд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2019/10/20/demograficheskiy-krizis-v-belarusi-novyy-antirekord.html> (дата обращения 14.04.2022).
5. Ефанова Л. Д. «Движение «желтые жилеты» во Франции: проблемы, причины, перспективы // Управление. – 2019. – № 2. – С. 133–138.
6. Инфляция в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfin.by/wiki/term/inflyaciya> (дата обращения 14.04.2022).
7. Какие на самом деле зарплаты в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infobank.by/infolineview/kakie-na-samom-dele-zarplaty-v-belarusi-skoljko-poluchayut-chistymi-na-ruki-v-rublyax-i-dollarax> (дата обращения 14.04.2022).
8. Конституция – Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения 14.04.2022).
9. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения 14.04.2022).
10. Макаренко К. М. Массовые протесты 2020 г. на постсоветском пространстве: причины, характерные черты и реакции политических режимов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 9(98). – С. 49–53.

11. Митин А. А., Стефанкин А. Е. Протесты в Казахстане: причины и последствия // Молодежь в условиях информационного общества: международный, национальный и региональный аспекты: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 23 марта 2022 года / Под общей редакцией Е. В. Матвеевой, А. А. Митина. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. – С. 89–95.
12. Названа самая распространенная зарплата в 2020 году в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nur.kz/nurfin/economy/1895093-nazvana-samaa-rasprostranennaa-zarplata-v-2020-godu-v-kazahstane> (дата обращения 14.04.2022).
13. Население Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/naselenie-belarusi> (дата обращения 14.04.2022).
14. Население Казахстана и статистическая информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/naselenie-kazahstana-i-statisticheskaya-informatsiya> (дата обращения 14.04.2022).
15. Панюсько А.С. Влияние пандемии COVID-19 на экономику Республики Беларусь и экономику развитых стран // Архивариус. – 2020. – № 4(49). – С. 55–56.
16. Парма Р. В., Давыдова М. А., Сушкевич М. А., Копытина Е. А. социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020-2021 гг. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 69–78.
17. Печенкин Н.М. Факторы протестных общественно-политических настроений и логика протестной активности граждан Республики Беларусь в 2020 г. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 109–118.
18. Уровень социальной конфликтности: потенциальные риски и угрозы. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. – 92 с.
19. Шкель С. Особенности политического режима в современном Казахстане и перспективы его трансформации // Центральная Азия и Кавказ. 2009. – № 6 (66). – С. 115–122.
20. Щитцова Т. Преодолевая авторитаризм: path-dependence и новая гражданственность. предисловие // Философско-культурологический журнал Toros. – 2021. – № 2. – С. 7–14.
21. Экономика Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://utmagazine.ru/posts/8766-ekonomika-belarusi> (дата обращения 14.04.2022).
22. Экономика Беларуси. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics> (дата обращения 14.04.2022).

БЕЛОВ М. А., ЯКУНИНА Т. С.
ПРИОРИТЕТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные тенденции экономического взаимодействия и военно-политического сотрудничества России с Республикой Абхазия. Анализируются новейшие данные о товарообороте между двумя государствами, сведения об инвестиционных проектах и результатах их реализации. Делается вывод ведущей роли России в обеспечении территориальной и экономической безопасности Абхазии и ее влиянии на формирование и реализацию государственной политики частично-признанного государства.

Ключевые слова: непризнанные государства, Республика Абхазия, Российская Федерация, национальная безопасность, экономическое сотрудничество, национальные интересы.

BELOV M. A., YAKUNINA T. S.
PRIORITIES OF RELATIONS BETWEEN
THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Abstract. The article discusses current trends in economic interaction and military-political cooperation between Russia and the Republic of Abkhazia. The latest data on trade between the two states, information on investment projects and the results of their implementation were analyzed. The conclusion is made of the leading role of Russia in ensuring the territorial and economic security of Abkhazia and its influence on the formation and implementation of the state policy of a partially recognized state.

Keywords: unrecognized states, Republic of Abkhazia, Russian Federation, national security, economic cooperation, national interests.

В современном мире насчитывается около двадцати непризнанных и частично признанных государств, некоторые из которых располагаются в непосредственной близости к границам Российской Федерации и являются ее стратегическими партнерами. Статус Республики Абхазия до настоящего времени остается неопределенным. После вооруженного конфликта 2008 года, произошедшего между Абхазией и Грузией, Россия признала Абхазию как независимое государство. Международное сообщество, включая США, Европейский союз и G7, осудило признание, заявив, что оно нарушает территориальную целостность Грузии. В настоящее время Абхазия официально признана только пятью другими государствами членами ООН (Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Науру и Сирией).

Тем не менее, спорный статус Абхазии не стал препятствием для расширения экономического и военно-политического сотрудничества с Российской Федерацией. Учитывая современные реалии международных отношений, существенно изменившиеся после начала военной спецоперации России на территории Украины, научное сообщество вновь обращает свое внимание на политико-правовой статус Абхазии и дальнейшие перспективы ее стратегического партнерства с Россией. В связи с вышеизложенным, возникает потребность в анализе особенностей новейших тенденций партнерского взаимодействия Абхазии и России.

Теоретические и практические аспекты возникновения и урегулирования этнополитического конфликта между Абхазией и Грузией, его последствия для международных отношений и миротворческая деятельность Российской Федерации проанализированы в работах И. Р. Кунафина, И. А. Гнедаш и Н. С. Иванова, Р. В. Лекова и др. По мнению авторов, этнополитический конфликт между Абхазией и Грузией предполагает действия сторон друг против друга, которые основаны на несовместимых противоречиях, исключающих друг друга ценностях; они затрагивают проблемы обретения, преобладания, осуществления власти [2, с. 46].

Как показывает исторический опыт, этнополитические конфликты во многих странах значительно превосходят другие типы социально-политических конфликтов своими масштабами, длительностью, интенсивностью. Особенность этих конфликтов состоит в том, что они совмещают две разные сферы – этническую и политическую. Этнополитические конфликты более чем актуальны, если учитывать, что большинство государств мира полиэтничны.

В современном мире значительно возросла роль международного посредничества и миротворчества в вопросе обеспечения региональной этнополитической безопасности. Цель такого вмешательства – предотвращение крупномасштабного насилия, гуманитарных катастроф, осуществление миротворческих миссий и содействие посконфликтному миротворчеству.

В вопросе мирного урегулирования этнополитических конфликтов крайне важны переговоры. В тех случаях, когда односторонние действия субъектов исчерпаны, а потери и убытки в ходе продолжения конфликта растут, стороны вынужденно должны обратиться к другим способам, в частности, прибегнуть к помощи переговоров. Но часто ситуация складывается так, что стороны не готовы установить непосредственные контакты и пойти на урегулирование конфликта. В данном случае обстановку может спасти вмешательство третьей стороны [3, с. 1040].

Говоря об источниках этнополитических конфликтов в Закавказье, можно выделить следующие факторы возникновения этнополитических конфликтов: образование элементов титульных наций, демографическую составляющую, этнокультурные противоречия и конфессиональный фактор.

Грузино-абхазский конфликт является одним из старейших на постсоветском пространстве. Российская Федерация на протяжении всего времени его существования является одной из сторон, предпринимающих попытки к его урегулированию, поддерживая Республику Абхазию и ее независимый от Грузии статус.

Рассматривая этнополитические конфликты Грузии и Абхазии, можно сказать, что при Б. Н. Ельцине политика России в отношении грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов имела вектор, направленный на идею поддержания территориальной целостности Грузии, за который выступали демократы. Коммунисты и националисты поддерживали идею присоединения Абхазии к России. Приход к власти В. В. Путина позволил установить четкую политику России по отношению к Абхазии и Южной Осетии, на территории которых стабильность непосредственно связана с безопасностью нашего государства [4, с. 65].

Российская военная операция в Грузии, несмотря на неоднозначную оценку со стороны международного сообщества, имела одно неоспоримое положительное последствие: с 2008 года на абхазо-грузинской границе фактически нет межэтнических вооруженных столкновений и конфликтов. Более того, как показывает практика, последние 14 лет стали самым мирным временем в истории Абхазии со времен распада СССР: постепенно восстанавливалась инфраструктура, продолжала развиваться туристическая отрасль и внешнеэкономические связи.

На современном этапе отсутствуют альтернативы независимости Абхазии, поскольку грузинские и абхазские официальные лица не ведут друг с другом переговоров с 2008 года, а отношения между Россией и Грузией по-прежнему остаются крайне напряженными, если не враждебными.

На территории Абхазии размещается около 4000 российских солдат, которые патрулируют периметр с Грузией, тем самым обеспечивая безопасность республики. Еще в 2019 году Президент РФ В. В. Путин заявил, что Россия будет продолжать принимать активное участие в финансировании оборонной модернизации Абхазии [8]. Значительная материальная поддержка военно-оборонного комплекса республики обходится довольно недешево казне российского государства: только в период 2009–2018 годов субвенции на оборонную модернизацию Абхазии составили 40 млрд. рублей [7].

В мирное время стороны самостоятельно осуществляют материально-техническое обеспечение войск (сил), выделенных в состав Объединенной группировки, создают и пополняют запасы материальных средств до согласованных норм в соответствии с порядком, установленным в каждой из сторон. Соглашение заключено на период действия Договора между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 года, то есть сроком на 10 лет с возможностью его автоматического продления на последующие пятилетние периоды [10].

Республика Абхазия де-факто является самоуправляемой территорией со всеми признаками, характерными для государства, за исключением международного признания. Лишь немногие страны, признающие Абхазию, принимают ее таможенные документы и сертификаты на продукцию. Таким образом, основные импортные поставки идут через российских посредников. Отправляющийся груз регистрируется в городах России, прежде чем отправиться в западном направлении. Использование посредников удваивает, а в некоторых случаях утраивает стоимость ведения бизнеса, но остается самым безопасным способом транспортировки товаров.

Абхазская и российская экономики тесно переплетены, как и военные и государственные структуры. На Россию приходится 90 % экспорта Абхазии, и 99 % прямых иностранных инвестиций поступают в республику из России. Отечественные предприятия активно участвуют в управлении системой аэропортов и железных дорог страны, а также в разведке газа. Товарооборот России и Абхазии за период 2020–2021 гг. составил 278 млн. долларов. Основной товарооборот пришелся на «пищевые продукты, напитки, табак» (30%), «минеральные продукты» (14%). Основная доля экспорта из Республики Абхазия приходится на г. Москву (27,5%), Краснодарский край (18,7%), Ростовскую область (16%) и Самарскую область (7%) [11].

Инвестиционная программа, в основном, сосредоточена на строительстве и обновлении инфраструктуры. Каждые два года Межправительственная комиссия по социально-экономическому сотрудничеству между Республикой Абхазия и Российской Федерацией утверждает программу развития республики на среднесрочную перспективу. Например, на период 2020–2022 гг. запланированы крупные объемы финансирования со стороны России в инфраструктуру Абхазии. Основное количество инвестиций направлено на развитие дорожных сетей, модернизацию электрических подстанций и распределительных сетей, развитие туристического комплекса в г. Гагра, восстановление системы водоснабжения и развитие здравоохранения [5].

Параллельно осуществляется инвестиционная поддержка среднего и крупного предпринимательства со стороны России. Инициатор программы ООО «Инвестиционное

агентство» выделило в 2022 году на реализацию инвестиционных проектов 1,2 млрд. рублей [6]. По оценке Г. Б. Габуния, наиболее успешными инвестиционными проектами при поддержке России стала агрофирма «Кындыг-Агро» – тепличный комплекс круглогодичного производства овощной продукции; фабрика по переработке фруктов «Абхазские сады» и производственно-аграрное объединение «Абхаз вино» [1, с. 321].

Однако, несмотря на подавляющее доминирование России в экономической сфере, Абхазия как нация действует независимо от Москвы. Абхазия, в отличие от Южной Осетии, не стремится полностью интегрироваться в состав российского государства, несмотря на то что подобный сценарий обсуждался в обществе после присоединения Крыма к России в 2014 года и подписания в том же году «Соглашения о союзе и стратегическом партнерстве между Россией и Абхазией» [9].

В Соглашении есть некоторые положения, которые делают доводы в пользу интеграции более обоснованными. К ним относятся: создание совместных сил безопасности между Москвой и Сухуми во главе с российским чиновником, а также создание общего экономического и социального пространства, которое еще больше сближает экономику Абхазии с экономикой России. Вместе с тем, в процессе переговоров название документа было изменено с «Соглашение о союзе и интеграции» на «Соглашение о союзе и стратегическом партнерстве», чтобы было ясно, что конечной целью Абхазии не является интеграция в Российскую Федерацию. Кроме того, абхазы сохранили контроль над рынком недвижимости, не позволяя российским инвесторам покупать там недвижимость, опасаясь, что цены вырастут и жилье станет недоступно для абхазов.

Таким образом, на современном этапе основными приоритетами взаимодействия России и Абхазии выступает стратегическое партнерство, союзничество и интеграция. Можно с уверенностью утверждать, что независимое существование Абхазии как суверенного государства было бы невозможно без поддержки России, которая позиционирует себя как гаранта безопасности в регионе и сдерживает агрессию со стороны Грузии. Для Абхазии Российская Федерация является главным экономическим партнером по количеству торгового оборота, а отечественные компании стали основными инвесторами в развитие местных предприятий. Более того, Россия взяла на себя обязанности по развитию инфраструктуры в Абхазии, по поддержанию достойного уровня социального обеспечения населения и преобразованию государственных институтов.

В заключение отметим, что вмешательство России в конфликт 8 августа 2008 года было необходимой мерой для сохранения стабильности внутри страны и обеспечения безопасности приграничных территорий. Исторические события показали, что Российская Федерация способна вести волевою политику при урегулировании этнополитических

конфликтов на постсоветском пространстве, а также использовать силовые методы воздействия в тех случаях, когда опасности подвергаются российские граждане, проживающие на приграничных территориях. Многолетний опыт взаимодействия России и Республики Абхазия свидетельствует о том, Россия в целях обеспечения собственных национальных интересов готова на протяжении длительного времени поддерживать экономику и безопасность приграничных государств, которые нуждаются в ее защите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габуния Г. Б. Россия и Абхазия: инвестиционное сотрудничество в контексте международного права // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 11. – № 1–1. – С. 318–325.
2. Гнедаш И. А., Иванов Н. С. Публичная дипломатия России в отношении Абхазии: фактор грузино-абхазского конфликта // Актуальные вопросы мировой политики: сборник научных статей. – СПб., 2020. – С. 45–51.
3. Кунафин И. Р. Перспективы урегулирования конфликта Грузии с Абхазией и Южной Осетией // Экономика и социум. – 2017. – № 11. – С. 1039–1042.
4. Леков Р. В. Российско-американские противоречия в подходе к разрешению этноконфликтов в Грузии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2008. – № 3. – С. 65–68.
5. Отдел внешнеэкономических связей и инвестиционной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mineconom-ra.org/ru/deyatelnost/vneshneekonomicheskie-svyazi-i-investitsionnaya-politika> (дата обращения 24.03.2022).
6. Отдел разработки и реализации государственных инвестиционных программ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mineconom-ra.org/ru/deyatelnost/gosudarstvennye-investitsionnye-programmy> (дата обращения 24.03.2022).
7. Представители ведомств России проверяют целевое использование помощи Абхазии за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6536473> (дата обращения 24.03.2022).
8. Путин поручил подписать соглашение о финансировании РФ модернизации ВС Абхазии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6915414> (дата обращения 24.03.2022).

9. Россия и Абхазия подписали договор о союзничестве и стратегическом партнерстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/1594026> (дата обращения 24.03.2022).
10. Совфед ратифицировал соглашение об объединенной группировке войск РФ и Абхазии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/3788337> (дата обращения 24.03.2022).
11. Товарооборот России и Абхазии март 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-M202003-202103/RU/trade/AB> (дата обращения 24.03.2022).

ФЕДОРОВ В. Г., КАЛИНКИНА А. В.
ПРИОРИТЕТНЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Аннотация. В статье рассмотрены приоритетные биологические угрозы, способные нанести значительный урон национальной безопасности РФ, в том числе, произвести подрыв суверенитета и территориальной целостности государства. Авторы исследуют возникновение крайне опасной эпидемиологической ситуации, вызванной вирусом COVID-19, а также анализируют турбулентное и принципиально уязвимое состояние Российской Федерации со стороны атак с применением биологического оружия.

Ключевые слова: биологические угрозы, биологическая безопасность, биологическое оружие, биотерроризм, национальная безопасность РФ.

FEDOROV V. G., KALINKINA A. V.
PRIORITY BIOLOGICAL THREATS
TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers priority biological threats that can cause significant damage to the national security of the Russian Federation, in particular to undermine the sovereignty and territorial integrity of the state. The authors investigate the emergence of an extremely dangerous epidemiological situation caused by the COVID-19, and also analyze the turbulent and fundamentally vulnerable state of the Russian Federation from attacks using biological weapons.

Keywords: biological threats, biological security, biological weapons, bioterrorism, national security of the Russian Federation.

Экспоненциальное распространение вируса COVID-19 в феврале-марте 2020 года мобилизовало Российскую Федерацию активизироваться в вопросе сдерживания и противодействия новым вызовам и угрозам, в особенности в области борьбы с созданием и генерализацией биологического и химического оружия. Фактор развития биологической науки, в том числе молекулярной биологии, геной инженерии, микробиологии и различных биотехнологий, способен спровоцировать обширную диффузию вирусных инфекционных заболеваний, которые, под завуалированной основой естественной вспышки эпидемии, могут являться запланированным террористическим актом [8, с. 113]. В условиях возрастания влияния террористических организаций на международной арене рождаются новые ухищренные приемы и методы осуществления разного рода террористических атак, в том числе биологического и химического характера. Кроме того, период охватившей пандемии

показал уязвимость международного сообщества перед такими видами угроз, что послужило стимулом разработать гибкие нормативно-правовые акты для моментального реагирования.

Биотерроризм нельзя считать абсолютно новым видом угрозы национальной безопасности государств, так как неоднократно фиксировались очаги применения биологического оружия в разных точках планеты. Однако даже в состоянии подписания и ратификации большинством стран Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) [2] подпольные исследования и разработки не приостановились. Об этом свидетельствуют вспышки биотеррористических атак в Далласе (1984 год) и в Токио (1993 год) [6, с. 13]. Апогеем стала ситуация в США: ровно через месяц после печально известной атаки террористов на башни Всемирного торгового центра, а именно 11 октября 2001 года, на территории США был зафиксирован первый случай применения бацилл сибирской язвы [3, с. 62]. Данный террористический акт отличался профессиональным исполнением: применялась специальная биологическая рецептура, ориентированная на массовое поражение людей. Инструментом распространения инфекционной болезни послужила рассылка писем [6, с. 12].

На фоне этого феномена активизировался процесс приращения исследовательских работ на тему противодействия биологическому террору. В начале 2000-х годов среди отечественных специалистов над этой проблематикой работали И. В. Покровский, Г. Г. Онищенко и Б. Л. Черкасский [4]. Однако чуть позже М. В. Супотницкий в своем труде «Биологическая война: введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений» выделил ряд некомпетентных умозаключений, обозначенных вышеуказанными авторами. Одной из самых значимых критичных оценок подверглись аргументы о наличии свободного доступа у малоразвитых стран к биологическому оружию [5, с. 54]. Ближе ко второй декаде XXI столетия объем отечественных научно-исследовательских работ на тематику биологической безопасности, значительно увеличился. Из всего обилия аккумулированного материала, в данной публикации были использованы результаты исследований следующих авторов: В. Б. Агафонов и Н. Г. Жаворонкова [1], С. Н. Орехов и А. Н. Яворский [3], М. В. Супотницкий [5, 6], Е. Н. Хлопова и В. О. Масальская [8]. Также был проанализирован ряд трудов представителей иностранной научной мысли, рассматривающих сущность и конфигурацию биологических оружия, а именно вирусов, которые представляют потенциальную угрозу национальной безопасности государства.

За год до начала пандемии COVID-19 11 марта 2019 г. на территории РФ был издан официальный документ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в

области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу», который определял основные теоретико-концептуальные положения, оценку угроз национальной безопасности в биологическом и химическом спектре, а также цели, принципы, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики в области обеспечения биологической и химической безопасности. Вышеотмеченный юридический документ выступил фундаментом и катализатором для последующих законодательных актов: например, 2 декабря 2019 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О биологической безопасности Российской Федерации». По оценке ряда специалистов, а именно, В. Б. Агафонова, Н. Г. Жаворонковой, данные нормативно-правовые акты носят «бланкетный» или рамочный характер: иначе говоря, базовые механизмы и эффективность правоприменения располагаются за гранью закона и находятся в издаваемых «во исполнение» закона актах Правительства РФ, ведомств, в инструкциях и положениях, исходящих из смысла содержания закона о безопасности [1]. Как справедливо отмечено, задача законов о безопасности, вне зависимости от формы ее протекания, во-первых, не должна стремиться описать все виды существующих угроз и опасностей, в отличие от выработки четкого алгоритма действий; во-вторых, описание опасностей совместно с угрозами требуется изложить в документах простым, доступным и понятным для населения государства языком.

В статье 8 Федерального закона «О биологической безопасности в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 492-ФЗ прописаны 11 биологических угроз (опасностей) [7]. Однако отмеченный Федеральный Закон вводит собственную теоретико-понятийную трактовку «биологических угроз (опасностей)», которая смыкает границы между понятием «угроза» и «опасность», что автоматически делает их по отношению друг к другу конгруэнтными. В то же время угрозы представляют собой потенциально возможные события, действия, процессы или явления, способные причинить ущерб безопасности, или, как описывает это понятие Е. А. Олейников, угроза – наиболее конкретная и непосредственная форма опасности, то есть актуализированная (уже действующая опасность) [9, с 28]. Поэтому будет целесообразным выделить конкретные приоритетные биологические угрозы, способные, в рамках сложившейся конъюнктуры пандемии, оказать давление на национальную безопасность РФ.

В мире представлено огромное разнообразие бактерий и вирусов, большинство из которых представляют опасность для человечества в связи с масштабом распространения и неблагоприятным исходом. Некоторые представители бактерий, такие как *Yersinia pestis*, *Bacillus anthracis*, *Vibrio cholerae*, являются наиболее опасными и могут быть использованы в качестве биооружия. Среди вирусов также можно выделить наиболее патогенных

представителей: вирусы геморрагической лихорадки (вирус Эбола), *Variola major* и SARS-CoV-2 [15].

I. *Yersinia pestis* (бактерия чумы). Бактерия относится к семейству *Enterobacteriaceae* и представляет собой аэробную неподвижную грамотрицательную палочку [19]. Фактором вирулентности являются эффекторные белки внешней мембраны *Yersinia* (Yops), которые непосредственно транслоцируются в клетки-хозяева через систему секреции третьего типа, чтобы ингибировать бактериальный фагоцитоз и подавлять выработку провоспалительных цитокинов [11]. Бактерия вызывает инфекцию, которая сопровождается чумой (бубонной, легочной, септической). Самая тяжелая форма – бубонная чума (или гнойный аденит), характеризующая инкубационным периодом от двух до восьми дней и следующими симптомами: лихорадкой, ознобом, общим недомоганием [10]. *Y. pestis* классифицируют как биологический агент категории А для потенциального биотерроризма. Переносчиками являются инфицированные блохи, которые паразитируют на грызунах.

II. *Bacillus anthracis* (сибирская язва). Бактерия принадлежит к семейству *Bacillaceae* и представляет собой аэробную или факультативно-анаэробную грамположительную и спорообразующую палочку [10]. Основными факторами вирулентности являются токсины и антифагоцитарная полиглутамическая капсула, которые определяются двумя плазмидами вирулентности, а именно *pXO1* и *pXO2*. Первая плазмида кодирует два токсина: летальный фактор (LF) и фактор отека кальмодулин-зависимая аденилатциклаза (EF) [16]. Плазмида *pXO2* необходима для производства капсулы поли- γ -D-глутаминовой кислоты, которая обеспечивает выживание бактерии в макрофагах. В зависимости от пути инокуляции различают ингаляционную, кожную и желудочно-кишечную сибирскую язву, но все они имеют схожие симптомы: лихорадку, недомогание, тошноту и болевые ощущения. Признана биологическим агентом категории А [17].

III. *Vibrio cholerae* (холерный вибрион). Подвижная, грамотрицательная бактерия с одним полярным жгутиком. Выделяют два основных фактора вирулентности: холерный токсин и токсин-корегулируемые пили. Последний отвечает за адгезию и колонизацию возбудителя к микроворсинкам слизистой оболочки тонкого кишечника. Холерный токсин влияет на повышение внутриклеточного цАМФ за счет активации аденилатциклазы, что вызывает диарею и потерю жидкости организмом [13]. Бактерия вызывает холеру, основными симптомами которой являются обильная диарея, дискомфорт в животе и рвота. Бактерию относят к биологическому агенту категории В.

IV. *Zaire ebolavirus* (вирус Эбола). Вирус принадлежит семейству *Filoviridae*. В центральной части вириона расположена молекула одноцепочечной РНК отрицательной полярности. Вирус Эбола вызывает геморрагическую лихорадку – острый вирусный синдром.

Вследствие чрезвычайной вирулентности и высокотрансмиссионной природы вирус признан биологическим оружием категории А. Передача вируса происходит от летучих мышей, либо через промежуточного хозяина – нечеловеческого примата [20]. Заражение происходит в результате передачи от человека к человеку через прямой контакт или контакт с инфицированными жидкостями организма или загрязненными фомитами. Патогенез представлен подавлением иммунитета, цитокиновым штормом, аномалией свертывания крови и сосудистой дисфункцией [14]. Крупная вспышка лихорадки Эбола в государствах Западной Африки на период с февраля 2014 года по декабрь 2015 года унесла десятки тысяч человеческих жизней и была признана ВОЗ угрозой мирового масштаба по причине фиксации единичных случаев заболевания в США, государствах Европы и иных уголках Земного шара.

V. *Variola major* (вирус оспы). Вирус относится к семейству *Poxviridae* [12]. Вирусный геном представлен линейной двухцепочечной ДНК. Инфекция распространяется воздушно-капельным путем, реже, при прямом контакте. После первичного заражения вирус начинает размножаться в дыхательных путях и мигрировать в регионарные лимфатические узлы, а уже затем распространяется в селезенку, костный мозг и дистальные лимфатические узлы. После инкубационного периода начинается продромальная фаза с такими симптомами, как высокая температура, общее недомогание и головные боли. Наиболее яркой особенностью оспы является сыпь, приводящая к хорошо известным кожным поражениям [16].

VI. SARS-CoV-2. Вирус принадлежит к семейству *Coronaviridae*. Геном вируса представлен линейной одноцепочечной РНК положительной полярности. Тяжелый острый респираторный синдром коронавирус 2 вызывает заражение COVID-19 [10]. Проникновение вируса в клетки-хозяева опосредуется спайковым гликопротеином (белком S), состоящим из двух функциональных субъединиц S1 и S2. Субъединица S1 осуществляет связывание с рецептором на клетке-хозяине, а S2 участвует в слиянии мембран вирусов и клеток-хозяев. Вирус передается через fomиты или воздушно-капельным путем при тесном незащищенном контакте между инфицированным и неинфицированным. Одними из наиболее распространенных проявлений являются лихорадка и сухой кашель. У большинства больных можно наблюдалась двустороннюю пневмонию [21].

Список потенциальных биологических угроз требует более строгой и обоснованной типологизации по причине усиления фактора обеспечения национальной безопасности в области противодействия биологическим опасностям и угрозам.

Таким образом, в ходе данного исследования, во-первых, была выявлена корреляция между появлением на международной арене потенциальной глобальной биологической угрозы и параллельными разработками в научном сообществе трудов, посвящённые данной тематике: в период рассылки писем с сибирской язвой в США как в иностранной, так и в

отечественной академической среде начинают публиковаться работы по «биологическим угрозам», «биологической войне», «биотерроризме» и др. В последующие годы регистрируется явный пробел и дефицит в публикациях подобного рода, даже на фоне разрастания пандемии свиного гриппа 2009 года, угрозы лихорадки Эбола в 2015 года, но с момента возрастания угрозы COVID-19, снова прослеживается тренд в пользу возникновения новых работ по «биологическим атакам», «химическом оружии» и иным проблематикам. Во-вторых, отмечена неэффективности существования Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), которая неоднократно подверглась критике: в мае 2020 года тогдашний Президент США Д. Трамп разорвал отношения с организацией, и лишил ее финансовой поддержки. В-третьих, контрпродуктивность ВОЗ послужила стимулом для наращивания национального фактора в разработке вакцин, включая обновление и укрепление законодательства в области противодействия биологическим угрозам. По заключениям ряда авторов, выпущенный пакет отечественных нормативно-правовых актов по вопросу «биологической безопасности» неоднозначен и носит рамочный характер, однако наблюдается прогресс в генерализации отраслевых документов, направленных на более подробное описание угроз и опасностей, а также механизмов противодействия, которые было бы невозможно изложить в целостной стратегии национальной безопасности.

Пандемия COVID-19 повлияла раз и навсегда на жизнь мирового сообщества, в том числе заставила государства углубиться в вопрос обеспечения химической и биологической безопасности, которая, даже с учетом ослабления пандемии, остается приоритетным направлением, так как отмечается тенденция обнаружения биолaborаторий, где завуалировано могла вестись деятельность по созданию оружия массового поражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 4 (113). – С. 187–194.
2. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения 21.02.2022).
3. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 5. – С. 60–73.
4. Покровский В. И., Онищенко Г. Г., Черкасский Б. Л. Эволюция инфекционных болезней в России в XX веке. – М.: Медицина, 2003. – 663 с.

5. Супотницкий М. В. Биологическая война: введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений. – М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. – 1135 с.
6. Супотницкий М. В. Вспышка сибирской язвы в США в 2001 г. Опыт исторической и эпидемиологической реконструкции // Медицинская картотека. – 2009. – № 7–8. – С. 12–37.
7. Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372659/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1 (дата обращения 23.02.2022).
8. Хлопова Е. Н., Масальская В. О. Биологическое оружие как угроза национальной безопасности России // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 112–122.
9. Экономическая и национальная безопасность / под ред. Е. А. Олейникова. – М.: Экзамен, 2005. – 766 с.
10. Bury K. Five-year results of a randomized clinical trial comparing a polypropylene mesh with a polyglactone and polypropylene composite mesh for inguinal hernioplasty // *Hernia*. – 2012. – No 16. – P. 549–553.
11. Grabowski B. Immunomodulatory *Yersinia* outer proteins (Yops)–useful tools for bacteria and humans alike // *Virulence*. – 2017. – No 8 (7). – P. 1124–1147.
12. Green M. S. Confronting the threat of bioterrorism: realities, challenges, and defensive strategies // *Lancet Infect. Dis.* – 2019. – No 19 (1). – P. 2–13.
13. Hsiao A. Pathogenicity and virulence regulation of *Vibrio cholerae* at the interface of host-gut microbiome interactions // *Virulence*. – 2020. – No 11 (1). – P. 1582–1599.
14. Jacob S. T. Ebola virus disease // *Nat. Rev. Dis. Primers*. – 2020. – No 6 (1). – P. 13–21.
15. Janik E. Biological Toxins as the Potential Tools for Bioterrorism // *Int. J. Mol. Sci.* – 2019. – No 20 (5). – P. 1176–1181.
16. Meyer H. Smallpox in the Post-Eradication Era // *Viruses*. – 2020. – No 12 (2). – P. 138–146.
17. Oliveira M. Biowarfare, bioterrorism and biocrime: A historical overview on microbial harmful applications // *Forensic Sci. Int.* – 2020. – No 314. – P. 11–36.
18. Pilo P. Pathogenicity, population genetics and dissemination of *Bacillus anthracis* // *Infect. Genet. Evol.* – 2018. – No 64. – P. 115–125.
19. Rathish B. Comprehensive Review of Bioterrorism // *StatPearls*. – 2021. – No 3. – P. 12–27.

20. Salata C. Ebola Virus Entry: From Molecular Characterization to Drug Discovery // Viruses. – 2019. – No 11 (3). – P. 266–274.
21. Wang Mei-Yue. SARS-CoV-2: Structure, Biology, and Structure-Based Therapeutics Development // Front Cell Infect. Microbiol. – 2020. – No 10. – P. 58–72.

ХОРКИН К. А.

ИМИДЖ КАНДИДАТА: ПОНЯТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ТИПОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу различных трактовок понятия «имидж кандидата», а также подходов к типологизации данного явления. Автор приходит к выводу о том, что существующие к настоящему моменту классификации имиджа кандидата должны быть синтезированы в общую универсальную типологию.

Ключевые слова: имидж кандидата, политический имидж, политический маркетинг, электорат, дебаты.

KHORKIN K. A.

CANDIDATE IMAGE: CONCEPT AND CURRENT TYPOLOGIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of various interpretations of the concept of candidate image as well as approaches to the typology of this phenomenon. The author comes to the conclusion that the current classifications of the candidate's image should be synthesized into a common universal typology.

Keywords: candidate image, political image, political marketing, electorate, debates.

Политический имидж стал одним из тех факторов, с которым вынуждены считаться все политики, желающие прийти к власти и удержать ее. В соответствии с растущим спросом на процедуру легитимного демократического выдвижения и продвижения политического лидера появилось целое направление в прикладной политологии, связанное с маркетингом и рекламой, в которой используются данные антропологии, социологии, психологии, политологии, философии и других наук о человеке и обществе.

В странах с развитыми демократическими институтами в целом и институтом выборов в частности имидж стал фундаментом кампании любого кандидата на тот или иной пост. Зачастую избиратель формирует отношение к кандидату, не проводя глубокого знакомства с личностью, а опираясь лишь на первое впечатление. Вот почему изучение и определение понятия «имиджа» является одним из важных и актуальных направлений для исследования.

Проблема политического имиджа кандидата нашла свое отражение в работах О. П. Березкиной [1], В. Н. Васильевой и Г. В. Жигуновой [2], А. В. Ковровой [3], А. Ю. Панасюка [5], Е. Б. Перелыгиной [7; 8], Г. Г. Почепцова [10] и других авторов. В данной работе предпринята попытка комплексного сравнения различных определений понятия «политический имидж» и подходов к классификации этого явления.

Классическое для отечественной науки определение было дано Е. Б. Перелыгиной в книге «Психология имиджа». Под имиджем в этой работе понимается «символический образ

субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия» [8, с. 15]. В то же время трактовки рассматриваемого понятия существенно различаются. Так, согласно словарю Ожегова, «имидж – образ, который человек себе создает, чтобы вызвать определенное впечатление у другого человека или группы людей» [11]. Данное определение не может быть признано всеохватывающим, так как рассматривает только имидж отдельного человека. Можно согласиться с тем, что в субъектно-объектных отношениях имиджа непременно должен быть человек или группа людей, но данная категоричность уместна только в случае если мы говорим об объекте. Другими словами, целью имиджа всегда является человек или группа людей, но в качестве субъекта выступать могут и предметы: например, различные брендовые товары. Конечно, можно утверждать, что имидж бренда создается людьми, работающими на данный бренд, однако в конце концов покупатель остается с товаром один на один и решает, нужен он ему или нет, опираясь, в том числе, на имидж, который исходит из данной продукции. Вот почему ограничиваться имиджем одного человека, на наш взгляд, не вполне уместно.

Далее приведем еще одно определение: «Имидж – это совокупность ряда переменных, с преобладающей над содержанием формой, вариант самоподачи, акцентирующий внимание на лучших качествах, повышающий самооценку и авторитет у потенциальных потребителей» [4]. Данная интерпретация акцентирует внимание на конечном потребителе. Подобное определение устраивает тех, кто рассматривает «имидж» с точки зрения маркетинга и продаж. Однако и такое определение нельзя назвать полным, так как имидж бывает отрицательным и наоборот содержит наиболее явные недостатки и недочеты как человека, так и предмета, что выходит за рамки вышеупомянутого определения.

Наиболее же близким к искомому смыслу, на наш взгляд, следует считать определение из Педагогического энциклопедического словаря: «Имидж – это целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.» [6]. В данном случае некоторое сомнение вызывает уточнение про популяризацию, так как имидж могут создавать и те, кто заинтересован в негативизации имиджа. Так, например, противники кандидата в президенты могут создать ему отрицательный имидж. Разумеется, для повышения эффективности необходимо придать данный образ максимальной огласке с помощью элементов напоминающих рекламу, однако реклама тут является не целью, а средством.

Таким образом, в рамках данной работы под политическим имиджем мы понимаем целенаправленно формируемый в рамках политической сферы образ, который призван оказать эмоционально-психологическое воздействие на какой-либо объект. Вызывает сомнения

неточность формулировки «эмоционально-психологического воздействия», однако насколько разнообразны конечные цели, которым служит имидж субъекта, настолько и обширной должна быть формулировка понятия.

В рамках предвыборных кампаний приходится опираться на разные способы взаимодействия с электоратом, что подразумевает различные типы имиджа. Существуют множество подходов к классификации, но далеко не все из них подходят для ведения практической деятельности политтехнолога. Ряд классификаций выделяет А. В. Коврова:

Типология по субъекту:

- индивидуальный (имидж отдельно взятого человека);
- групповой (имидж которым обладает общность людей, но не обладает каждая персоналия в ней);
- предметный (имидж товара, во многом схож с индивидуальным).

Типология по способу формирования:

- стихийный;
- управляемый.

Типология по знаку:

- позитивный;
- негативный [3].

Все вышеуказанные виды, безусловно, имеют право на существование, однако не представляют из себя руководства к действию для политтехнолога. Необходимо еще более структурно подходить к решению данного вопроса и обратиться к подходам ряда исследователей.

Е. Б. Перельгина предлагает следующую типологию: индивидуальный, групповой, корпоративный и предметный [8, с. 26]. Очевидно, что в случае предвыборных кампаний нам предстоит сфокусироваться именно на индивидуальном имидже. По Перельгиной такой тип делится на два подтипа: имидж самооощущения и имидж восприятия.

Имидж самооощущения напрямую зависит от самооценки кандидата. С этой точки зрения он является основой для развития и дальнейшей работы. Однако даже самое качественное изменение в самооощущениях кандидата никаким образом не может гарантировать конкретный электоральный результат.

Имидж восприятия связан с тремя составляющими: миссия, легенда и цели кандидата.

Миссия – это компонент символической структуры имиджа, содержащий оценочно и эмоционально нагруженную информацию о том, во имя чего субъект-прообраз имиджа существует в обществе и занимается своей деятельностью, в чем состоит смысл его существования в данном качестве.

Легенда – это наиболее гибкая часть имиджа, и именно с ней проще всего работать специалистам. Для появления легенды необходима демонстрация как минимум трех компонентов: целей, которые человек ставит перед собой; реальных дел, которые показывают, насколько эффективно осуществляется движение к этим целям; миссии, которая показывает, почему и зачем ставятся такие цели, во имя чего они выполняются. В том случае, когда эти три компонента логично, правильно, непротиворечиво увязаны между собой, и возникает особый эффект восприятия – легенда. Если же из названных трех компонентов хотя бы один отсутствует или плохо согласуется с другими элементами, имидж утрачивает цельность и зачастую становится негативным.

А. Ю. Панасюк предлагает классифицировать имидж с точки зрения факторов, его образующих. На этом основании выделяются следующие типы имиджей: габитарный, средовой, общественный, вербальный, кинетический [5, с. 38].

Габитарный имидж (от лат. *habitus* – внешность, внешний облик) – мнение о личности по ее внешности (одежда, обувь, прическа, аксессуары и т.п.); Такой имидж лучше всего формируется в средствах наружной рекламы. Билборды, флаеры, брошюры, плакаты и т.д. не предусматривают демонстрацию ораторских или поведенческих характеристик кандидата, а значит, являются наиболее выигрышными для тех, кто данными чертами не выделяется либо выделяется в худшую сторону. Одним из ключевых преимуществ данного типа имиджа является скорость его восприятия. Представителю электората достаточно нескольких секунд чтобы составить мнение о кандидате, опираясь только на его внешние статичные параметры. Как следствие, повышается скорость распространения, так как нужная публикация или верно установленный билборд в местах повышенного человекопотока сможет быстро и эффективно создать кандидату нужный уровень узнаваемости.

Средовой имидж – мнение о субъекте по созданной им среде обитания: по жилищу, кабинету, автомобилю и т.д. Такой тип также не подразумевает демонстрацию поведенческих или социальных особенностей кандидата. Однако он имеет ряд особенностей. Атрибутика повседневной жизни с одной стороны позволяет создать более подробный имидж, но с другой стороны на демонстрацию данного имиджа уйдет значительно больше времени. Более того, далеко не весь электорат сможет увидеть исключительно среду, поэтому оптимальным с точки зрения скорости и качества распространения будет гибрид – габитарно-средовой имидж.

Средой кандидата может быть не только его личный дом или автомобиль, но и организация. В этом случае имидж кандидата напрямую зависит от заранее сформированного образа организации, к которой он принадлежит, причем как от качественных, так и от количественных характеристик. Даже если организация обладает блестящей репутацией, но

известна небольшому проценту голосующих, показатель распространения данного имиджа не сможет значительно превысить известность атрибутивной организации.

Овеществленный имидж – мнение о личности, складывающееся по его овеществленной продукции – предметам, вещам, которые он сделал, создал. Достаточно редкий тип имиджа в силу того, что его редко удастся сформировать специально. Имеет схожие характеристики со средовым имиджем, если созданный кандидатом продукт носит общественный характер. Чаще же всего применяется кандидатом, пришедшим из бизнеса, особенно в условиях его прямого управления. Электоральная логика проста: если человек, будучи бизнесменом, производил качественный продукт, то значит и в политике (государственном управлении) он будет успешен. Овеществлённый имидж редко предоставляет возможности серьезного развития, однако в качестве фундамента кампании более чем жизнеспособен.

Вербальный имидж – мнение о личности по ее вербальной продукции: о том, что человек говорит, как говорит, что и как пишет. Это один из самых используемых типов имиджа. Текстовые лозунги, видеоролики, интервью и дебаты, публичные выступления – все это неотъемлемая часть избирательной кампании. Они и формируют в сознании электората вербальный имидж кандидата. С этим типом удобно работать вместе с кандидатом, его можно менять, подстраивать, иногда напрямую диктовать. Разработанный слоган или точный тезис способны создать прочную ассоциацию у электората. Вербальный имидж складывается в несколько раз дольше чем габитарный, поскольку уходит определенное время на прослушивание даже самой небольшой речи, но при этом около половины зрителей его все равно получают [9]. Во многом данный феномен объясняется интересом электората к формату дебатов, а также фоновым ознакомлением с вербальным имиджем кандидатов в политической рекламе.

Кинетический имидж – мнение, основанное на кинестетической продукции человека. Также поддается регулировке, как и вербальный, хотя и имеет ряд особенностей. Получается электоратом чаще всего посредством заочных выступлений на камеру и очных публичных выступлений. Однако если в случае вербального имиджа им можно очень выгодно выделяться в лучшую сторону, то в задачу кинетического за редким исключением наоборот входит максимально естественное, обыденное поведение. Чересчур яркие либо отточенные до автоматизма жесты в отличие от слов зачастую не приветствуются: возможно, благодаря тому, что в прошлом веке их использовали спорные в историко-политическом контексте персоналии.

С точки зрения политических кампаний, данная типология является наиболее предметной, так как позволяет диверсифицировать комплексный взгляд электората и, как следствие, проработать каждую его деталь.

Таким образом, мы видим, что среди многообразия классификаций политического имиджа есть только несколько делений, удовлетворяющих запросам политтехнологов и позволяющих по ним работать предметно. Дальнейшее развитие данного направления может привести к поиску или созданию единой и универсальной классификации, по которой можно будет работать не только в рамках политики, но и в междисциплинарном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березкина О. П. Политический имидж в современной политической культуре: автореф. дис. ... док. полит. наук. – СПб., 1999. – 39 с.
2. Имидж политика: проблемы формирования, продвижения и исследования: коллективная монография; под ред. В. Н. Васильевой, Г. В. Жигуновой. – Мурманск: МАГУ, 2016. – 183 с.
3. Коврова А. В. Субъекты и виды имиджа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaochnik.com/spravochnik/psihologija/psihologija-biznesa/subekty-imidzha> (дата обращения 28.03.2022).
4. Маркетинговый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_i/image (дата обращения 28.03.2022).
5. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. – М., 2007. – 272 с.
6. Педагогический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/enc/ped/2137059.html> (дата обращения 28.03.2022).
7. Перельгина Е. Б. Восприятие и изменение имиджа как феномена интерсубъектного взаимодействия // Российский психологический журнал. – 2005. – № 2. – С. 26–43.
8. Перельгина Е. Б. Психология имиджа: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.
9. Половина россиян не смотрели предвыборные дебаты и не планируют [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-37250785> (дата обращения 28.03.2022).
10. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. – Изд. 5-е, с испр. и доп. – М.: Рефл-бук, 2006. – 574 с.
11. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovariki.org/tolkovyj-clovar-ozegova/10313> (дата обращения 28.03.2022).

ИЛЮШЕЧКИН Р. С.

**ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ: ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье рассмотрены политико-правовые и этические основания социальной работы. Особое внимание уделено их применению и закреплению в профессионально-этическом кодексе социальных работников. Кроме того, в статье выявлены и описаны требования к морально-этическим принципам социальной работы, устойчивости современной социальной работы к реалиям российского общества.

Ключевые слова: социальная работа, морально-этические принципы социальной работы, государство, профессионально-этический кодекс, категории клиентов социальной работы.

ILYUSHECHKIN R. S.

**PRINCIPLES OF STATE POLICY IN SOCIAL PROTECTION
OF THE POPULATION: ETHICAL ANALYSIS**

Abstract. The article considers the political, legal and ethical foundations of social work. Particular attention is paid to their application and consolidation in the professional and ethical code of social workers. In addition, the article identifies and describes the requirements for the moral and ethical principles of social work, the sustainability of modern social work to the realities of Russian society.

Keywords: social work, moral and ethical principles of social work, state, professional and ethical code, categories of social work clients.

Понятие «социальная работа» очень многогранно, но в первую очередь этот вид деятельности (и профессия) служит мощным посредником между государством и населением. Нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация в стране привела к появлению большого количества проблем. В начале 1990-х годов социальная работа обрела новый формат деятельности, который формируется по сегодняшний день. Такие научные деятели, как П. Д. Павленок, М. В. Фиров, Е. И. Холостова, Л. В. Топчий и многие другие ученые являются с одной стороны не только самыми цитируемыми в сфере социальной работы (ее основных компонентов), но и основателями «новой социальной работы».

Принципы социальной справедливости и прав человека, означающие наличие равных возможностей и социальных привилегий для всех членов общества, составляют основу социальной работы. Современный социальный работник должен руководствоваться профессионально-этическим кодексом, чтобы его усилия в отношении слабозащищенных и

малообеспеченных слоев населения были высоко результативны. Профессионально-этический кодекс следует рассматривать через аксиологическую призму философии, так как морально-этические принципы современного социального работника всегда являлись основой его профессиональной деятельности.

Интерпретируя статус моральных ценностей и этических принципов, зафиксированных в профессионально-этическом кодексе с целью их и применения в практической сфере, мы хотели бы подчеркнуть, что положениями данного документа необходимо руководствоваться и в практической деятельности.

Заметим, что современный механизм российской социальной работы выступает как сильно разветвленная система взаимодействия слабозащищенных слоев населения, лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, с одной стороны, органов социальной защиты и социального обеспечения, с другой. Согласно профессионально-этическому кодексу, «основные принципы служебного поведения работников органов социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания являются основой поведения граждан Российской Федерации в связи с осуществлением ими профессиональных должностных обязанностей в социальной сфере» [1].

Непосредственную роль в принятии нормативно-правовой базы в сфере социальной работы и социального обеспечения играет государство и его подведомственное учреждение – Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Среди законов, регламентирующих деятельность социальных работников, необходимо указать следующие документы:

1. Конституция РФ (здесь закреплены конституционно-правовые основы социальной работы в Российской Федерации: в основном, в статьях 37, 38, 39, 40, 41);

2. Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (в законе регламентированы, главным образом, правовое регулирование социального обслуживания граждан и принципы социального обслуживания);

3. Постановление Правительства РФ № 1075 от 18 октября 2014 г. «Об утверждении правил определения среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно» (утверждены прилагаемые правила определения среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно);

4. Постановление Правительства РФ № 1236 от 24 ноября 2014 г. «Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг»;

5. Приказ Минтруда России № 24 от 26 января 2022 г. «О проведении оперативного мониторинга в целях обеспечения занятости населения» (предоставление сведений и

информации от работодателей через подведомственные учреждения Министерство труда и социальной защиты РФ и Пенсионного фонда РФ) [5].

Среди принципов социальной работы, по нашему мнению, можно выделить:

- принцип человеческого достоинства и толерантности (социальные работники признают ценность каждого человека и его право на реализацию своих способностей, на достойные условия жизни и благосостояние);
- принцип социальной справедливости и гуманизма (справедливое и равноправное распределение ресурсов для удовлетворения основных социальных потребностей получателя социальных услуг);
- принцип социальной активности, мобильности и гибкости (они являются ценностью для социального работника и предполагают взаимосвязанную деятельность социального работника с получателем социальных услуг).

Многочисленные категории граждан и лиц, нуждающихся в помощи, имеют свои конкретные специфические особенности и потребности: уровень и качество жизни, медицинские услуги, социальное страхование, социальные гарантии, трудоустройство и другие. Поэтому важно учесть, что современный социальный работник должен придерживаться в своей практической деятельности моральных принципов профессионально-этического кодекса. Руководствуясь этическими нормами и моральными принципами, специалист по социальной работе обязан эффективно использовать имеющийся у него арсенал знаний, чтобы выявить проблемы и эффективно их устранить в работе со своими клиентами. Специалистам необходимо опираться именно на те гуманистические принципы, которые могут быть наиболее востребованы в работе с клиентами социальной работы и лицами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации.

Следует подчеркнуть, что главная роль принадлежит личностно-ориентированному подходу, поскольку каждой категории клиентов социальной защиты соответствует своя технология социальной работы. В связи с этим ценности и принципы могут совершенствоваться по мере устойчивости в стране: от первоначально необходимых потребностей граждан и категорий населения к более значимым потребностям. Здесь действует принцип «от низшего к высшему», согласно пирамиде потребностей А. Маслоу, представляющей описание потребностей человека: от низменных желаний до возвышенных. Психолог верно предположил, что у каждого человека есть определенные потребности к комфортной жизни, к которым он стремится. Пирамида Маслоу имеет следующую структуру:

- 1) физиологические потребности;
- 2) потребности в безопасности;
- 3) потребность в принадлежности и любви;

- 4) потребность в уважении и почитании;
- 5) потребности познавательные;
- 6) эстетические потребности;
- 7) потребность в самоактуализации [3, с. 51].

Устойчивая политическая обстановка обуславливает дальнейшее развитие гуманизации социальной сферы, позволяющих отстоять важнейшие социальные потребности личности и определить поиск новых методов и способов ее совершенствования.

Возникает вопрос: нужна ли обширная система учреждений социальной защиты, ее структурных компонентов? Ведь это сродни «пирровой победе», при которой победа достается слишком высокой ценой. Не лучше ли планомерно и методично, по принципу «сверху вниз», разработать модель повышения уровня социально-экономического благополучия граждан? Несмотря на сильный разрыв между богатыми и бедными, наличием слабого среднего класса и социальной стратификацией, выражающейся в расслоении российского общества, основная финансовая нагрузка для стабилизации и стимуляции населения ложится на плечи государства.

В связи с гуманизацией общества, а также по причине его социально-экономической нестабильности, с каждым десятилетием появляются новые категории клиентов системы социального обслуживания.

Этот «гордиев узел» можно разрубить путем поиска новых механизмов и рычагов решения проблемы бедности и безработицы населения. На наш взгляд, не придется применять систему оптимизации и уплотнения системы социального обслуживания, куда входят комплексные центры и учреждения социальной защиты. Процесс урбанизации жизненно необходимых центров помощи и социальных учреждений приводит к тому, что значительная часть населения ввиду своих индивидуальных потребностей не может переехать в крупные населенные пункты и города, где есть «все блага цивилизации», т.е. необходимые условия жизнеобеспечения и достойный уровень существования для граждан.

Что касается системы социального обслуживания населения и государственного содействия слаботзащищенным и малообеспеченным гражданам, то необходимо указать как на позитивные моменты, так и на негативные стороны. Разнопрофильный спектр категорий социального обслуживания, а также большое число безработных и лиц, относящихся к статусу «клиент социальной работы», создают благоприятную почву для разработки грантов в этой сфере. Государство выделяет огромные суммы на реализацию социально-значимых проектов в целях минимизации социальных рисков и потерь. К примеру, каждый способный и предприимчивый гражданин, вне зависимости от возраста, пола, национальности имеет право на создание проекта и реализацию Президентского гранта в случае победы в конкурсе.

Немаловажной частью современного общества является молодежь, в том числе и студенты, среди которых есть и будущие специалисты социальной работы. Они, ввиду своих индивидуальных особенностей и семейных обстоятельств, обучаясь в образовательных учреждениях, могут также являться клиентами социального обслуживания. Поступить в государственный вуз и стать студентом могут люди вне зависимости от возраста, пола, расы, вероисповедания, территориального местоположения, а также ограниченной физической активности. Согласно конвенции о правах инвалидов, к данной категории относятся «лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» [2]. Толерантность и гуманизм – это не только принципы, но и феномены и признаки современного цивилизованного общества [4, с. 235]. Специалисты по социальному обслуживанию совмещают обеспечение первоначальных потребностей слабозащищенных категорий населения с деятельностью по защите достоинства своих клиентов и их права на индивидуальность.

По мере стабилизации социально-экономической ситуации в стране и решения насущных проблем специалисты социального обслуживания обращаются к поиску новых форм и методов работы, которые позволяют удовлетворять такие психологические потребности человека, как потребность в самореализации. В настоящее время, несмотря на богатый обширный инструментарий технологий и техник практико-ориентированной работы, поиск эффективных инновационных форм и методов работы, которые могут помочь человеку глубже понять себя и раскрыть свои самозащитные функции, продолжается. Итогом этой работы в условиях дальнейшей гуманизации общественной жизни должно стать появление у человека потребности в самореализации. В таком случае перед институтом социальной работы откроются новые перспективы, направленные на удовлетворение этой потребности.

Таким образом, в результате этического анализа правовых основ и принципов социальной работы в Российской Федерации мы приходим к следующим выводам:

Во-первых, основным источником, которым руководствуются специалисты социального обслуживания, остается профессионально-этический кодекс.

Во-вторых, толерантность и гуманизм являются основными принципами для специалиста социальной работы.

В-третьих, права и свободы гражданина как клиента социального обслуживания закреплены как на государственном уровне, так и в различных Конвенциях ООН.

По нашему мнению, принципы толерантности и гуманизма являются неотъемлемой составляющей в деятельности специалистов социальной работы: эти принципы влияют на ход работы и отражают поведение социальных работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rcbutovo.mos.ru/anti-corruption-activities> (дата обращения 5.04.2022).
2. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения 7.04.2022).
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
4. Мельников В. П., Холостова Е. И. История социальной работы в России. – 2-е изд. – М.: Маркетинг, 2005. – 344 с.
5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry> (дата обращения 14.04.2022).